

Йоран Терборн
Города власти
*Город, нация, народ,
глобальность*

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

**СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ**

Социальная теория

Йоран Терборн

**Города власти. Город,
нация, народ, глобальность**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2017

УДК 316.32
ББК 60.5

Терборн Й.

Города власти. Город, нация, народ, глобальность / Й. Терборн — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2017 — (Социальная теория)

ISBN 978-5-7598-2093-2

В этом блестящем и оригинальном исследовании политики и значений городских ландшафтов ведущий социолог Йоран Терборн проводит тур по важнейшим столицам мира, показывая, как они оформлялись национальной, народной и глобальной силами. Он анализирует глобальные моменты формирования городов, исторический глобализированный национализм и города современного глобального капитализма образов с их всевозможными небоскребами, закрытыми сообществами и показной новизной. Разбирая темы, варьирующие от эволюции модернистской архитектуры до возвращения городских революций, и сочетая рассмотрение политики, социологии, городского планирования, архитектуры и городской иконографии, Терборн ставит под сомнение устоявшиеся представления об источниках, проявлениях и объеме власти городов. Он отстаивает идею, что между городом и государством сохраняются сильные связи именно в тот момент, когда кажется, что они отделились друг от друга, и сегодняшняя глобализация городов в значительной степени подгоняется глобальными устремлениями политиков, а также национального и местного капитала. Благодаря богатству урбанистических наблюдений, собранных на всех обитаемых континентах, уникальному систематическому подходу, охватывающему как Вашингтон или революционный Париж, так и блистающую столицу Казахстана Астану, а также острому и многостороннему анализу «Города власти» заставляют нас переосмыслить наше городское будущее и исторически сложившееся настоящее. Книга адресована широкому кругу читателей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 316.32

ББК 60.5

ISBN 978-5-7598-2093-2

© Терборн Й., 2017

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2017

Содержание

Введение: Город, нация, народ, глобальность	7
Глава 1	11
Города и власть	11
Интерпретация городского текста	16
Национальная власть и пути к современным национальным государствам	24
Глава 2	31
До наций	33
Развитие территориальных столиц	35
Донациональные города	37
Королевский абсолютизм	39
Нация против князя (и князей)	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Йоран Терборн

Города власти. Город, нация, народ, глобальность

Город... это точка максимальной концентрации власти и культуры общества.

Льюис Мамфорд

Культура городов (1938)

Архитектура есть нечто вроде красноречия власти в формах, то убеждающего, даже льстящего, то исключительно повелевающего.

Фридрих Ницше

Сумерки идолов, или Как философствуют молотом (1888)

Проект серийных монографий по социально-экономическим и гуманитарным наукам

Руководитель проекта Александр Павлов

Перевод выполнен по изданию: *Göran Therborn. Cities of Power. The Urban, the National, the Popular, the Global*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi: 10.17323/978-5-7598-1787-1

© Göran Therborn 2017.

First published by Verso 2017

© Перевод на рус. яз. Издательский дом Высшей школы экономики, 2020

Введение: Город, нация, народ, глобальность

Это книга о встречах и отношениях четырех социальных сил: городской, национальной, народной и глобальной. Мы будем изучать то, как они встречаются и как меняют городскую среду обитания в период существования национальных сил, вплоть до сегодняшнего дня. Городская сила стара: города существуют тысячелетиями, однако они изменились вследствие появления национальной силы, данной в форме национальных государств, что произошло лишь два столетия назад. Национальная трансформация городов обычно сосредоточивалась в городском центре национального государства, т. е. в его столице, которая и составляет предмет настоящего исследования. Как правило, национальными столицами становились донациональные города разного типа, однако в некоторых случаях национальные государства строили себе новые города. К выбору своих столиц национальные государства шли по различным историческим траекториям, преодолевая длинный или короткий, сложный или легкий путь. Этот исторический опыт оставил на каждой из столиц четкий след.

Национализм и национальные государства были частью намного более эпохального сдвига, а именно Модерна как новой исторической эпохи, отвергающей авторитеты и институты прошлого (прежде всего духовные) и стремящейся создать новое общество, новую культуру, новый мир. Национальное и глобальное впервые встречаются именно в этом контексте – в форме глобального национализма. Важными местами встреч оказались для них столицы национальных государств, которые должны были теперь приспособиться к глобальным моделям столицы, которая была бы «достойна нации», копируя Париж Второй империи, инфраструктуру Лондона, а в некоторых случаях – вашингтонские Национальную аллею или Капитолий.

Нации развивались и менялись, а правящие элиты национальных государств сталкивались с растущим народным сопротивлением со стороны угнетенных классов, а также этносов/рас и гендерных групп. В некоторых случаях это сопротивление было достаточно сильным и успешным, чтобы создать особые народные моменты власти, нашедшие выражение в городской истории. Национальная борьба за власть могла принимать самые крайние формы, выливаясь в насилие, но не только деструктивное или краткосрочное, как война или восстание, но также иногда и формы, закрепленные в столичном городе, что мы рассмотрим далее.

В последнее время в центре внимания оказалась глобальная сила, прежде всего в виде глобального транснационального капитализма. С точки зрения ряда современных авторов, национальное находится на грани исчезновения, особенно в больших городах. Мы рассмотрим далее эти тезисы, относясь к ним скептически, но серьезно, и попытаемся распутать внутреннюю динамику глобального, национального и локального, выражаемую в новом стиле глобального урбанизма, вертикальности, новизны и исключительности. В самом конце мы бросим взгляд на будущее наших четырех сил.

За моим интересом к хореографии городской, национальной, народной и глобальной сил скрывается мой прежний исследовательский интерес к формам и отношениям власти, к смыслам, идеологии и символическим формам. Города влияют на нас пространственной структурой социальных отношений, смыслами, которыми они обеспечивают жизнь общества. Это можно считать городской властью, однако города в национальном государстве не являются такими же влиятельными властными акторами, как национальная, народная и глобальная силы. К современным городам лучше подходить как к манифестациям и репрезентациям власти. Наш главный исследовательский вопрос будет заключаться в следующем: какую именно власть проявляет и репрезентирует городское устройство исследуемых нами столичных городов?

Это исследование является глобальным и историческим по масштабам. Оно начинается с первых национальных столиц, с революционного Парижа и Вашингтона, и постепенно дохо-

дит до современности – блистающей новой столицы Казахстана Астаны (ныне – Нур-Султан. – *Примеч. ред.*). Но это, конечно, не энциклопедия мировых столиц и не всемирная история власти. Здесь мы будем работать с рядом важных примеров четырех основных типов национального государства и с формированием национальных столиц в разных частях мира, учитывая определенные исторические моменты изменений власти и то, как столицам различных национальных типов приходилось справляться с народными и глобальными вызовами.

Это был долгий проект, стартовавший в Будапеште в 1996 г. благодаря свободному времени, возникшему у меня, когда я занимал место временно исполняющего обязанности заведующего кафедрой европейской социальной политики в Университете им. Лоранда Этвёша. Много раз проект прерывался в силу обязательств, тогда казавшихся более срочными. Первоначальным толчком для него стала драматическая история будапештской площади Героев¹. В первом исследовании анализировались процессы и символические трансформации, которые превратили крупные города Европы, являвшиеся резиденциями династий, в национальные столицы. В силу некоторых редакторских проволочек оно было опубликовано только в 2002 г.² Потом мне удалось найти определенное финансирование (благодаря двум ныне почившим государственным исследовательским фондам Швеции, FRN и HSFR, а также фонду INTAS ЕС, который тоже стал достоянием истории) и связаться с урбанистами, представляющими разные дисциплины и разные страны, что вылилось в ряд совместных публикаций по региональным вопросам³. Как всегда, мое исследование является плодом индивидуального ремесла, а не промышленным продуктом фабрики научных ассистентов.

Книга стала частью тетралогии глобальных исследований, хотя первоначально такого намерения у меня и не было. Эта тетралогия началась с работы 2004 г. «Между полом и властью: семья в мире 1900–2000 годов» (*Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000*). За нею в 2011 г. последовала работа «Мир. Руководство для начинающих» (*The World:*

¹ Gerö A. *Modern Hungarian Society in the Making*. Budapest: Central European University Press, 1995. Ch. 11. Площадь и расположенный на ней, в конце главного городского бульвара, монумент Тысячелетия часто оказывались конечным пунктом моих прогулок.

² Therborn G. *Monumental Europe: The National Years: On the Iconography of European Capital Cities* // *Housing, Theory and Society*. 2002. Vol. 19. No. 1. P. 26–47.

³ К числу региональных проектов, ставших частью этой работы, относились: исследование восточноевропейских столиц, организованное в качестве конференции в Хельсинки при активной поддержке Маркку Кивинена (Markku Kivinen) и Энн Хейла (Anne Haila) и опубликованное в работе «*Eastern Drama: Capitals of Eastern Europe 1830s–2006*», в особом монографическом разделе журнала «*International Review of Sociology*» (2006. Vol. 6. No. 2); второй восточноевропейский проект с финансированием ЕС вместе с Ларисой Титаренко из Университета Минска, Анели Восилоте из Вильнюса, Афганом Абдуллаевым из Баку – он был сосредоточен на Баку, Минске и Вильнюсе, а его результаты были представлены в книге на русском языке под редакцией Титаренко (Постсоветские столицы: Минск. Вильнюс. Баку / под ред. Л.Г. Титаренко. Минск: Изд. центр БГУ, 2009); совместный проект с Фернандо Пересом Оярсун (Fernando Pérez Oyarzún) из Католического университета в Сантьяго (Чили), выполненный на американско-латиноамериканской конференции в 2007 г., который не вылился в публикацию, но был сам по себе очень плодотворным; воркшоп по столицам в юго-восточной Азии в Бангкоке в 2008 г., организованный вместе с К.С. Хо (K.C. Ho) из Национального университета в Сингапуре, с результатами, опубликованными в качестве раздела в журнале «*City*» (2009. Vol. 13. No. 1). Благодаря Лорану Фуршару (Laurent Fourchard) из Университета Бордо и Саймону Беккеру (Simon Bekker) из Стелленбосского университета в ЮАР я получил доступ к исследованиям французских африканистов, с которыми я вместе с Беккером смог организовать в Дакаре в 2010 г. конференцию по столицам. Ее результаты были опубликованы в виде книги при участии африканской сети исследователей CODESRIA: *Power and Powerlessness: Capital Cities in Africa* / ed. by S. Bekker, G. Therborn. Cape Town: HSRC Press, 2012. Наконец, важными были и коллективные международные начинания. Профессор Ин Квон Парк (In Kwon Park) и журнал «*International Journal of Urban Sciences*» попросили меня выступить приглашенным редактором специального номера по проблеме городов и власти, который вышел в марте 2015 г. (Vol. 19. No. 1). Издательство Routledge опубликовало этот выпуск в 2016 г. в виде книги: *Cities and Power* / ed. by G. Therborn. Моя исследовательская работа по городам включала, наряду с коллективными совместными проектами, еще и мои собственные статьи: *Therborn G. Transcaucasian Triptych* // *New Left Review*. 2007. 73 (о Тбилиси, Ереване и Баку); *Identity and Capital Cities: European Nations and the European Union* // *The Search for a European Identity* / ed. by F. Cerutti, S. Lucarelli. L.: Routledge, 2008 (о Брюсселе и конкуренции за статус столицы Евросоюза); *Modern Monumentality: European Experiences* // *Approaching Monumentality in Archaeology* / ed. by J. Osborne. Albany, NY: SUNY Press, 2014.

A Beginner's Guide)⁴, а в 2013 г. – «Смертоносные поля неравенства» (The Killing Fields of Inequality).

Для меня эта книга оказалась удивительно стимулирующим и обогащающим опытом, который включал, разумеется, возможность посетить города, о которых здесь идет речь. Критические исследования власти чаще вызывают озлобление, а не радость. Но я надеюсь, что смогу передать в какой-то мере энтузиазм, вызываемый исследованием городов, их различий во времени и пространстве.

На протяжении всего этого длительного периода у меня накопился огромный долг благодарностей. Моя жена Соня Терборн сопровождала меня почти во всех моих городских экспедициях, очень часто непростых, с тех пор, как оставила клиническую психологию (но также нередко и до этого) и обратила свой острый взор психолога на городскую антропологию, просвещая макросоциолога, страдающего свойственной этой дисциплине близорукостью.

Перри Андерсон с характерной для него мягкостью и щедростью поддержал мою первую вылазку в область урбанистики, что придало мне смелости и желания продолжать. Энн Хейла познакомила с наиболее активной сетью исследователей-урбанистов, работающих в сфере «городских исследований» для Европейского научного фонда. Маркку Кивинен, директор Александровского института в Хельсинки, оказал решающую поддержку как с моим первым региональным воркшопом, так и с предоставлением мне переводчика и гида для поездки в Астану. К концу моего срока на посту директора шведской Коллегии передовых исследований в области социальных наук мой коллега Бьорн Виттрок (Björn Wittrock) предоставил мне возможность собрать в качестве приглашенных специалистов – кого на семестр, а кого и на год – ряд выдающихся исследователей. Это был удивительно плодотворный период, проведенный вместе с Саймоном Беккером, Свати Чаттопадхияй (Swati Chattopadhyay), Кумико Фуджита (Kumiko Fujita), К.С. Хо, Лаурой Колбе (Laura Kolbe), Абидином Кусно (Abidin Kusno), Фернандо Пересом Оярсунум и Карлом Шлегелем. Он стал началом как продолжительных дружеских связей, так и вышеупомянутого сотрудничества.

Различные совместные региональные проекты предполагали сотрудничество с эффективными, щедрыми и заинтересованными организаторами: Саймоном Беккером, К.С. Хо, Фернандо Пересом Оярсунум, Ларисой Титаренко и рядом других серьезных исследователей.

Мне также очень помогли многие информаторы, поделившиеся со мной своими знаниями о городах, где они живут. По прошествии всех этих лет я должен извиниться за то, что любой список будет неполным. Некоторые информаторы указываются далее в сносках, и здесь я публично приношу им благодарность за их доброту. Несколько человек организовали для меня экскурсии и выступили на короткое время научными помощниками: это Юдит Боднар (Judith Bodnar) в Будапеште, которая рассказала мне о многих вещах и связала меня с Юдит Вереш (Judith Veres); Чан Кюун-Суп (Chang Kyung-Sup), который лично сопровождал меня во время нескольких моих визитов в Сеул; Ананд Кумар (Anand Kumar) в Дели; Алан Мабин (Alan Mabin) в Претории; Энцо Минджионе (Enzo Mingione), познакомивший меня в Риме с Альберто Виоланте (Alberto Violante); Джо Сантосо (Jo Santoso) в Джакарте; Алисия Зикарди (Alicia Zicardi) в Мехико. Очень помогли мне шведские посольства в Каире, Хараре, Любляне и Сингапуре, как и норвежские дипломатические миссии в Лилонгве и Мапуто. Помощь с русским языком в Астане и сопровождение предоставили коллеги Тапани Кааккуриниеми (Tapani Kaakkuriniemi) и (во время второй поездки) Лариса Титаренко. В Париже очень помог коллега Эдмон Пресей (Edmond Prétceille), показавший мне пригород (banlieue). Патрик Ле Галле (Patrick Le Galès), с которым я как-то написал статью о европейских городах, служил мне вдохновляющим примером строгой урбанистики⁵.

⁴ Терборн Й. Мир. Руководство для начинающих. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

⁵ Le Galès P., Therborn G. Cities // Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century / ed. by S.

Йоран Терборн
Юнгбюхольм, Швеция,
середина лета 2016 г.

Глава 1

Города, власть и Модерн

Города и власть

Города возникли как сосредоточия власти и богатства примерно пять тысяч лет назад. Льюис Мамфорд определил однажды город как «точку максимальной концентрации власти и культуры того или иного общества»⁶, а впоследствии первым пунктом в своем списке «основных функций города» поставил «преобразование власти в форму»⁷. Сегодня в городах проживает более половины населения всего человечества; власть и богатство достигли беспрецедентного уровня планетарной концентрации. Сегодня, когда мы стоим на пороге планетарной урбанизации, понять то, как власть проникает в искусственную городскую среду и влияет на нее, — задача не только исследовательская, но даже в большей мере гражданская.

Вопреки заявлениям Мамфорда, история и социология города в их основных направлениях чаще оставляли власть без внимания или же изучали лишь прошлые ее проявления. Интересы самого Мамфорда после увлечения барокко сместились в сторону исследования техники и экономики. Недавняя (и действительно качественная) коллективная работа с многообещающим названием «Воплощения власти» начинается с барокко и на нем же заканчивается⁸. Во внушительной «Истории города» Леонардо Беневоло европейские революции 1848 г. представлены в качестве границы между «либеральным» и «постлиберальным» городом, но Беневоло почти не интересуется властью после 1848 г.⁹ Питер Холл представляет ось культурного развития в книге «Города в цивилизации», своей поздней работе, однако в четвертом томе, посвященном «городскому порядку», политическому порядку внимания почти не уделяется¹⁰.

Великий историк и социолог Чарльз Тилли был весьма жестким и критичным исследователем власти, но при этом оставался структуралистом, изучающим материальные сети, а потому мало интересовался смысловыми формами городов — которые он в основном рассматривал в качестве места концентрации капитала — или же государств. Он не принимал различия между барочными, абсолютистскими, династическими государствами, с одной стороны, и национальными государствами с их национальными столицами — с другой, либо не считал это различие важным¹¹. С его точки зрения, после отречения императора Карла V в 1557 г. «национальные государства стали играть первостепенную роль», особенно после 1700 г.¹²

Примеров плодотворного взаимодействия политической теории/истории и урбанизма не так уж много, их результаты оставались достаточно слабыми, так что великому урбанисту Питеру Холлу сошла с рук его типология столичных городов, причем не раз, а два или три: впервые — в 1993 г., а потом в 2006 г. и в издании в мягкой обложке, выпущенном в 2010 г.¹³ Выглядела она следующим образом:

⁶ Mumford L. *The Culture of Cities*. N.Y.: Harcourt Brace, 1938. P. 3.

⁷ Mumford L. *The City in History*. N.Y.: Harvest, 1961/1989. P. 571.

⁸ Cohen G., Szabo F. *Embodiments of Power*. N.Y.: Berghahn Books, 2008.

⁹ Benevolo L. *Die Geschichte der Stadt*. Frankfurt: Verlag Zweitausendeins, 1983 (оригинальное издание: *Storia della città*. Rome: Laterza, 1975). Ch. 13.

¹⁰ Hall P. *Cities in Civilization*. L.: Pantheon, 1998.

¹¹ Tilly Ch. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992*. Oxford: Oxford University Press, 1992 (1975); Тилли Ч. *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* М.: Территория будущего, 2009.

¹² Ibid. P. 190, 185.

¹³ Hall P. *Six Types of Capital City* // Taylor J., Lengellé J., Andrew C. *Capital Cities/Les Capitales*. Ottawa: Carleton University

1. Многофункциональные столицы.
2. Глобальные столицы.
3. Политические столицы.
4. Бывшие столицы.
5. Бывшие имперские столицы.
6. Провинциальные столицы.
7. Сверхстолицы.

При всем уважении, этот список напоминает мне перечень животных, который приводится Мишелем Фуко в качестве цитаты, правда без точного указания источника, из Хорхе Луиса Борхеса, который якобы раскопал его в какой-то старой китайской энциклопедии. Согласно этому списку все животные делятся на следующие типы:

- a. Принадлежащие императору.
- b. Бальзамированные.
- c. Прирученные...
- e. Сирены.
- f. Сказочные...
- j. Неисчислимы...
- n. Издалека кажущиеся мухами¹⁴.

В господствующем в настоящее время урбанистическом дискурсе власть связывается с узлами экономики, что само по себе является, конечно, легитимной и важной темой, – однако сила города сводится в таком случае к почтовым индексам и официальным адресам крупных корпораций и (или) фирм, специализирующихся на оказании деловых услуг¹⁵. У этого подхода, каковы бы ни были его заслуги, которых немало и которые оправданно превозносятся, в контексте изучения городов и власти обнаруживается два ограничения. Во-первых, его экономизм оставляет за бортом властные проявления самой городской искусственной среды. Любой капиталистический город, как бы мы его ни представляли, – это не только офисы и не только их связи с офисами в каком-то другом городе. Во-вторых, концепция мировых/глобальных городов, выдвигаемая политической экономией, серьезно недооценивает власть государств в современном мире¹⁶. В конце концов, это мир, в котором предыдущий американский президент (Барак Обама) вел войны на протяжении обоих своих сроков, т. е. дольше, чем любой другой президент за всю историю США, – при его правлении война велась в семи разных странах¹⁷.

Используемый здесь аналитический аппарат (в числе его элементов – формы образования государства и их следствия, сочетание структурных и символических точек зрения на город, определение и изучение моментов важнейших исторических изменений в городах во всем мире), судя по всему, ранее не использовался. Однако мы не претендуем на оригинальность в плане изучения власти как аспекта современных городов. Помимо большого числа монографий, на которые мы часто ссылаемся далее, существует ряд особенно важных сравнительных

Press, 1993; *Hall P.* Seven Types of Capital City // *Planning Twentieth Century Capital Cities* / ed. by D. Gordon. L.: Routledge, 2006. Большинство глав в сборниках под редакцией Тэйлора и коллег и Гордона весьма интересны и полезны.

¹⁴ *Фуко М.* Слова и вещи. СПб.: А-Cad, 1994. С. 28.

¹⁵ *Sassen S.* The Global City. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991; *Taylor P.J.* World City Networks. L.: Routledge, 2004.

¹⁶ Критика некоторых, с моей точки зрения крайних и несостоятельных, принципов подхода политической экономии к исследованию городов представлена в моей работе «Конец парадигмы: актуальный кризис и идея безгосударственных городов»: *Therborn G.* End of a paradigm: The current crisis and the idea of stateless cities // *Environment and Planning*. 2011. Vol. 43. P. 272–285. Но я хотел бы также добавить, что считаю Саскию Сассен и Питера Тэйлора великими учеными-урбанистами, у которых я многому научился.

¹⁷ Военные «интервенции» были предприняты режимом Обамы в Афганистане, Ираке, Ливии, Пакистане, Сомали, Сирии и Йемене. См.: *New York Times*. 2016. 16 May. P. 1, 4. Конечно, война не была единственным занятием Обамы, но все же оказалась удивительно важным, если учесть, что речь о лауреате Нобелевской премии мира.

работ. Поскольку это не академическая диссертация, которая потребовала бы обзора литературы, в своих благодарностях коллегам я ограничусь кратким списком.

Работой, позволяющей осуществить введение в современные исследования, является «Архитектура, власть и национальная идентичность» Лоуренса Вэйла, мастерское исследование архитектуры и устройства столичных городов в самых разных национальных контекстах, отличающееся вниманием к «капитолийским комплексам» правительственных зданий, а также критическим политическим подходом и профессиональным взглядом градостроителя¹⁸. Современными и по своему охвату интерконтинентальными являются глубокая диссертация (хабилитационная работа) швейцарца Вольфганга Зонне «Репрезентация государства»¹⁹, посвященная планировке некоторых столиц в начале XX в., начиная с Вашингтона и заканчивая Нью-Дели, и коллективная работа под редакцией Дэвида Гордона «Планирование столиц в XX веке». Впечатляющее глобальное исследование по переносу столиц принадлежит Вадиму Россману – «Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения», выходящее одновременно с этой книгой²⁰.

Весьма глубокие и новаторские исследования власти в современных городах появились также, что важно отметить, за пределами академической истории городов и академической социологии, в частности в таких областях, как архитектура и архитектурная критика. Первопроходцами в этом деле стали Деян Суджич²¹ и Роуэн Мур²², которые в равной мере сосредоточены на архитекторах и их покровителях. Из сходной среды возникла и замечательная работа Оуэна Хатерли «Ландшафты коммунизма»²³.

Все искусственно созданные среды в человеческих поселениях являются продуктом властных отношений между их жителями. В настоящей книге, которая не призвана стать общим трактатом о власти, выделяются два источника и несколько типов власти. Она больше сосредоточена на столичных городах национальных государств, а потому центральное место в ней занимает политическая власть. Однако сама по себе такая власть означает не более чем власть принуждения и (или) убеждения посредством институтов и государственных процедур. Мы будем заниматься здесь именно характером и функционированием политической власти в столицах разных стран по всему миру.

Процессы модернизации, связанные с городской властью, образуют четырехугольник конкурирующих сил и типов влияния. В одном углу находится политическая власть – национальная и (или) городская, определение характера которой как раз и является главной целью данного исследования, – такая власть наделена разными полномочиями и обладает разными ресурсами в сфере планирования и регулирования; во втором углу находится капитал, как глобальный, так и национальный, у которого есть экономическая власть и определенные ресурсы планирования и «развития»; в третьем – привилегированные классы с их желаниями, страхами и ресурсами; наконец, в четвертом углу – народные классы с их обидами, но в то же время с их способностью к сопротивлению и переменам.

Мы начнем с политической власти национальных элит, возникших в ходе формирования национального государства. В рамках этого глобального макроанализа национальные элиты будут рассматриваться в специфических контекстах конструирования национального государства и отношения последнего к господствующему капитализму.

¹⁸ Vale L. *Architecture, Power and National Identity*. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2008.

¹⁹ Sonne W. *Representing the State*. N.Y.: Prestel, 2003.

²⁰ Россман В. *Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения*. М.: Издательство Института Гайдара, 2013.

²¹ Sudjic D. *The Edifice Complex*. N.Y.: Penguin, 2006.

²² Moore R. *Why We Build*. N.Y.: Harper Design, 2014.

²³ Hatherley O. *Landscapes of Communism*. N.Y.: New Press, 2016.

Затем мы рассмотрим два типа и две эпохи вызовов, с которыми столкнулись исторически известные национальные элиты. Один из них – народный вызов, возникший в силу подъема социально-политических сил, ранее исключенных из процесса формирования нации. Другой – глобальный вызов ненациональных сил и проблем. Первый является, определенно, особым типом политической власти; второй, возможно, утверждает превосходство экономической власти.

Конечно, политическая власть может принимать много разных форм, даже если социальные корни у них похожие или тождественные. Мы в нашем исследовании обратимся к высшим проявлениям власти национальной элиты в условиях осознанной ею народной угрозы, а именно к фашизму и родственным ему военным диктатурам. Кроме того, мы проанализируем урбанистический коммунизм как сохраняющийся радикально-народный вызов правлению исторически сформировавшейся элиты, а также посткоммунизм как новый тип политической власти.

После Второй мировой войны многих волновало противопоставление демократических и недемократических архитектуры и городского планирования, особенно в Западной Германии²⁴. Это здесь тоже учитывается, но такое различие не будет для нас ведущим, поскольку большинство национальных государств на протяжении большей части 225 лет, рассматриваемых в этой книге, были недемократическими.

Народная политическая власть утверждала себя по-разному: в доступе к институциональной власти, т. е. в «муниципальном социализме», городах государств всеобщего благосостояния или, как можно было наблюдать недавно за пределами Европы, в городских правительствах, составленных коалициями среднего класса с городской беднотой, но также в успешных протестах, благодаря которым было остановлено безумие «автомобильного города» в странах Северной Атлантики в период с конца 1950-х по 1970-е годы, и, уже сравнительно недавно, в нескольких городских революциях, которые лучше было бы назвать, учитывая их двусмысленный социальный характер (в любом случае не привязанный к рабочему классу), внеконституционными сменами режима. Также эта народная политическая власть может стать весомым фактором переговорного процесса в городах, в которых признается участие общества в городском планировании и развитии.

Столицы по определению являются местами политической власти. Однако вызов, брошенный народом, означает, что часто они оказываются также зонами сопротивления, политической контрвласти и протестных манифестаций, месторасположениями штабов оппозиционных движений, партий и профсоюзов.

Основные национальные элиты были по большей части капиталистическими или прокапиталистическими, и след, оставленный ими в стране и столице, мы, конечно, обязаны учитывать. Однако есть еще и грубая экономическая сила капитала и богатства, действующая помимо политических каналов. Эта экономическая составляющая является вторым источником власти, на который мы должны будем обратить внимание. Она в нашем повествовании задействована в двух основных модусах. Первый – ее влияние на пространственное устройство и на схему расположения зданий, особенно при строительстве небоскребов. Второй связан с городской эксклюзивностью богатства и экономического процветания, которая проявляется в охраняемых и частных городах, доступных только привилегированным.

На определенном уровне все системы политической власти нуждаются в репрезентации, понимаемой как публичная демонстрация. Дабы люди подчинялись власти и следовали ее приказам, нужно, во-первых, чтобы публичная репрезентация распознавалась и уважалась, чтобы к ней относились с благоговением или восхищением. То или иное новое правление

²⁴ *Flagge I., Stock W.J.* Architektur und Demokratie. Stuttgart: Hatje, 1992; *Sudjic D.* Architecture and Democracy. N.Y.: Te Neues, 2001.

учреждается публично, путем определенных церемоний. Во-вторых, власти в национальном государстве Нового времени особенно нужна репрезентация, чтобы задать рамки идентичностям, мыслям, убеждениям, воспоминаниям, надеждам и устремлениям своих граждан. Это вторая, монументальная функция, воплощающаяся также флагами, бантами, памятными знаками, лозунгами на транспарантах и торжественными обращениями к нации.

Экономическая власть как таковая не нуждается в репрезентации; деньги сами по себе являются достаточной силой. Во многих случаях разумнее позволить им действовать в тени, а не при свете дня²⁵. Однако корпорации и капиталисты часто желают продемонстрировать свое богатство и греться в отраженном свете своих зданий, привлекающих восхищенные взгляды.

У «репрезентации» есть оттенок намерения, что существенно сужает подход, который мы стремимся здесь применять. Нам же в основном интересны проявления власти. Репрезентации составляют важную часть таких проявлений, но есть и проявления власти за счет неузнавания, пренебрежения или отрицания интересов определенных секторов или групп населения, также существуют властные проявления через осуществление порядка или организацию беспорядков, проявления компетентности или некомпетентности.

²⁵ Комичный пример скрытности финансов – инструкции, данные, вероятно, охранникам, как в гражданском, так и в униформе, охраняющим головной офис Goldman Sachs по адресу Уэст-стрит, 200 в нью-йоркском Баттери-парк-сити, внушительный, но не слишком броский небоскреб. Если подойти к одному из них и спросить, что это за здание, вам скажут: «Офисное здание». – «Что за офисное здание?» – «Ну, просто офисное здание». – «Я думал, где-то здесь находится Goldman Sachs, вы не знаете, где именно?» – «Нет». (Разговор записан 13 апреля 2016 г.) Комичность в том, что здание указано на официальных городских картах, а адрес легко пробить по Google.

Интерпретация городского текста

Города оформляются властью в двух разных отношениях. Во-первых, социальные отношения в городе структурируются устройством городского пространства, определенным в категориях разделения/связи, центра/периферии, иерархии/равенства и комфорта/дискомфорта/нищеты. Во-вторых, власть конструирует смысл жизни в городе: возможности и ограничения, чувство и приоритеты городской жизни, идентичности в городе, смыслы прошлого города и страны, настоящее и будущее, к которому стремятся люди. Городской текст власти можно прочесть, двигаясь в двух этих направлениях. Ключевые переменные, которые мы собираемся рассмотреть, часто выполняют функции одновременно социального структурирования и трансляции смыслов.

Пространственный план

Городской план является производством социального пространства, о чем заявил Анри Лефевр своей удачной формулировкой²⁶. В великих древних цивилизациях, таких как индийская или китайская, он проектировался в качестве космологической репрезентации связи города с космическим порядком. Позднее, например в европейской истории и в целом истории Нового времени, произведенное пространство – это обычно пространство земных властных отношений. Базовые элементы пространственного устройства – это предусмотренные им направления или системы улиц; распределение в нем участков застройки разных размеров; «края» или границы внутри города, а также границы с не-городом или другим городом (сейчас они часто размыты); открытые площади; транспортные узлы; выделенные зоны, районы или кварталы; а также то, что можно было бы назвать их способами ориентации, т. е. их собственной концепцией соотношения центра и периферии, использованием той или иной топографии, например разновысотного ландшафта²⁷.

Мы не имеем здесь дела с метрическими переменными власти или же с четко разграниченными универсальными категориями, так что наш анализ должен быть экспериментальным и контекстуальным. Возможно, следует упомянуть некоторые общие правила касательно того, с чего начать рассмотрение.

Что составляет центр города или, если речь о больших городах, центры (во множественном числе)? Исторически противоположными случаями были, с одной стороны, открытое публичное пространство, агора или форум (в республиканских Афинах и Риме), и, с другой – замок, дворец (как в Пекине или Эдо/Токио, а также в монархической Европе) или храм (как в Теночтитлане). Каковы функции центра (центров)? Как центр (центры) связан(ы) с остальной частью города? Исторически унаследованы две основные структурные альтернативы – линейно-осевой вариант и концентрический. То есть это либо линейные магистрали, как в древнем Чангане и современных Бразилиа, Исламабаде или Абудже, либо лучевые улицы, расходящиеся по концентрическому городскому пространству подобно индийской мандале, как в йорубской Ифе, европейских барочных Версале, Карлсруэ или Санкт-Петербурге. Размывание этих вариантов четко выделенного центра указывает на более сложные конфигурации власти.

Обособление центра от периферии – это проявление силы социального исключения. Ярким примером являются, конечно, прежние города при апартеиде, где классы рабочих и

²⁶ *Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Oxford University Press, 1991 [1974]; Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka-Press, 2015.*

²⁷ Я опираюсь здесь в основном, если не исключительно, на главу 3 «Образ города» Кевина Линча (*Lynch K. The Image of the City. Boston: MIT Press, 1960; Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982*) и на работу Спиро Костофа «Город оформленный» (*Kostof S. City Shaped. N.Y.: Bulfinch Press, 1991*), особенно на главы 3 и 4 этой книги, хотя власть не является в них основным предметом рассмотрения.

служащих содержались в «тауншипах» вдали от центра, который был отделен, как в Претории, незастроенными пустырями. В Париже сохранилась четкая граница между собственно городом и пригородами, или *banlieues*, которые отделены автотрассой, проходящей по территории снесенных городских стен.

Правильная система улиц, например сетка, и единообразие или гармония ее зданий демонстрируют наличие власти, озабоченной городской структурой, каковой исламские правители, к примеру, традиционно не интересовались, и способной реализовать проект такой правильной структуры. Ширина, а в некоторых случаях и длина улиц часто являются целенаправленными требованиями власти. Пьер Ланфан, проектировщик будущего Вашингтона, призывал создать проспекты, «соразмерные величию, которое... должна являть собой столица могущественной империи»²⁸. В середине XIX в. Париж Второй империи сделал широкие проспекты стандартом столиц национальных государств, да и вообще всех амбициозных городов.

Археологи давно обратили внимание на закономерности в распределении строительных участков, посчитав их индикаторами иерархии и неравенства. Крайний пример разрыва в пространственной плотности являет собой современный Найроби: в 1999 г. в Карене проживало 360 жителей на квадратный километр, а в Кибере – 80 тыс. жителей, что ясно указывает на власть меньшинства, подавляющего большинство²⁹. Похожим индикатором неравной власти является существование и расширение застроенного, но не спроектированного пространства или, попросту говоря, трущоб, которые возникают на голой земле, без распланированных дорог, без водоснабжения и канализации.

Часто в качестве градиента власти используется топография холмов и равнин. Например, (высокое) плато Абиджана и Дакара – место сначала колониальной, а потом и национальной элиты. Верхний город в Брюсселе или Киеве – это исторически город политической и религиозной власти, тогда как Нижний город – место второстепенной экономической власти торговцев и купцов. Но также такая топография может использоваться как инструмент иерархической интеграции. В досовременных Эдо и Аддис-Абебе властители жили на холмах, а ниже селились их дружины. В Аддис-Абебе этот момент все еще заметен, хотя он быстро стирается в бедных районах, прилегающих к современным зданиям, демонстрирующим богатство и власть.

Еще одна важная переменная пространственного устройства города – доступность пространства. В этом случае мы можем провести различие между официальным, частным и публичным пространством: первое доступно только собственно властям, второе – только собственникам, тогда как публичное пространство – всем и каждому. Относительная величина и важность трех этих пространств может пониматься в качестве проявления относительной власти соответственно исключающего государства, частной собственности и граждан. В последнее время посткоммунизм стал означать сокращение официального пространства и, так же как в большинстве других капиталистических городов, расширение исключительно частного пространства, определяемое заменой общественных рынков (или розничных магазинов) частными торговыми центрами и частным огораживанием, нарезающим городское пространство на отдельные участки.

Не следует забывать о том, что «публичное» может быть, было и в некоторых городах все еще остается гендерно³⁰ и (или) расово определенным. Недопущение в публичные места на основании расовой принадлежности было запрещено, однако присутствие женщин на пуб-

²⁸ Цит. по: *Kostof S.* Op. cit. P. 209.

²⁹ *Davis M.* Planet of Slums. N.Y.: Verso, 2006. P. 95.

³⁰ До последнего времени «публичное» и «публичная сфера» были либо преимущественно, либо исключительно мужскими, если не считать некоторых куртизанок и хозяек европейских салонов. Однако женщины сыграли ключевую роль по крайней мере в двух решающих событиях европейской истории на пороге Модерна: в октябре 1789 г., когда кортеж рассерженных парижских женщин привез короля из Версаля в столицу, и в Петрограде в 1917 г., когда демонстрации женщин, требовавших хлеба, стали искрой, из которой разгорелась Февральская революция.

лике все еще оспаривается в арабских, западноазиатских исламских и североиндийских индуистских городах.

Функциональность

У функционирования города два главных аспекта, а именно: предоставление возможностей – прежде всего в плане финансов и трудоустройства – и предоставление определенных городских и коммунальных услуг. В данном исследовании первый аспект частично покрывается нашей фокусировкой на политических столицах, хотя у нас будут причины обратить внимание на различия в их социально-экономической структуре. Другой аспект, объем и распределение коммунальных услуг, – непосредственные проявления силы города.

Городская жизнь в значительной мере структурируется наличием и доступностью ряда необходимых городских и коммунальных услуг. Прежде всего водоснабжения, ассенизации, электроэнергии, сбора мусора и утилизации отходов. Предоставляются ли эти услуги, насколько адекватно и всем ли? Как насчет освещения улиц, тротуаров, безопасности и охраны порядка, доставки почты? Жилье, питание и трудоустройство остаются заботой рынков, но в какой мере поддерживается их работа и правильно ли они регулируются? В каком объеме наличествует приемлемый общественный транспорт? Правильно ли обслуживаются городские дороги? Во всех ли районах есть школы, медицинские учреждения, обычные магазины и всем ли они доступны?

В современном североатлантическом регионе функционирование и доступность этих услуг принимаются, как правило, за данность, однако даже там их история довольно коротка. Все их значение стало для меня ясным во время коллективного исследования африканских столиц, в большинстве из которых наблюдается огромный дефицит услуг³¹. Только треть домовладений в Аддис-Абебе и Киншасе имели (на 2005 г.) водопровод в здании, тогда как в Абудже – только 4 %. Лишь половина населения Киншасы имела доступ к канализации или же общественным уборным, а в Аддис-Абебе – только один человек из десяти.

Бедность и недостаточный уровень развития – одна из причин всей этой беспомощности власть имущих в Африке. Но есть также проблема приоритета, выбора между тем, что Муссолини однажды назвал задачами «нужды» и задачами *grandezza* (величия). Исторически, когда Париж времен Наполеона III и его префект Осман стали мировым образцом величия, викторианский Лондон выступил для всей Европы ориентиром, превратившись в ведущего мирового экспортера систем водоснабжения и ассенизации.

Функционирование городских и коммунальных услуг является ныне в ряде городов важным политическим вопросом: примерами могут быть вашингтонское метро, общественный транспорт в Боготе, водоснабжение и электричество в Дели. Эксклюзивность или инклюзивность городской власти может оцениваться по функциональности города.

Схемы расположения зданий

Схема расположения зданий может считаться особым аспектом пространственного плана. Она указывает на относительное размещение и размер зданий, прежде всего в городском центре. Здания каких типов занимают место в самом центре? Как центральные здания соотносятся друг с другом?

Например, во всей Латинской Америке, за исключением Монтевидео, Боготы и города Бразилиа, президентский дворец является центральным зданием, преобладающим или доминирующим, тогда как конгресс явно отодвинут в сторону: в Мехико до самого последнего времени здание сената было едва ли не анонимным, а в Чили сенат переселили в перестроенную

³¹ Capital Cities in Africa: Power and Powerlessness / ed. by S. Bekker, G. Therborn. Cape Town: Human Sciences Research Council, 2012.

больницу в Вальпараисо. В то же время в Оттаве, Вашингтоне, Монтевидео и Бразилиа здание конгресса или парламента находится в самом центре. В новой столице Малайзии Путраджайе доминанта – это резиденция премьер-министра. Мэрии в любой американской столице не слишком заметны, однако в Токио, Сеуле и Копенгагене они расположены в величественных зданиях, которые явно, хотя и не вполне успешно, конкурируют со зданиями органов власти в Вене. Когда в середине XIX в. бельгийцы создали свою национальную столицу, королевский дворец был больше стоявшего напротив парламента, но самым большим зданием был Дворец правосудия. Главное правительственное здание, неважно, какое именно, обычно защищается от конкуренции со стороны новой застройки различными правилами, определяющими допустимую высотность (как, например, в Вашингтоне) и дистанцию. Однако в Токио над официальной резиденцией премьер-министра возвышается неброская корпоративная башня обычной страховой компании. В некоторых городах, например в Париже, вообще нет представительного центрального правительственного здания, но что именно это значит?

Схема расположения зданий может выражаться и другими важными способами, например в единообразии и гармонии или же в бессвязной разнородности зданий на главных улицах, а также в силе контраста между зданиями на главных улицах и в переулках или на периферии. Кроме того, имеется и важный темпоральный аспект. Когда режим запускает новую строительную программу, вопрос в том, каким именно представительным зданиям отдается приоритет и в соответствии с какими именно приоритетами деньги и время распределяются между представительным и утилитарным строительством, между служебной инфраструктурой и жильем. Возникают ли заметные кластеры представительных зданий?

Это лишь несколько примеров, и, прежде чем переходить к выводам в нашей интерпретации, стоило бы рассмотреть их, как и другие примеры того же рода, в качестве первых из множества возникающих вопросов, подталкивающих к историческим и контекстуальным исследованиям.

Архитектура

Когда смотришь на город, часто именно архитектура бросается в глаза в первую очередь. У архитектуры два аспекта. Первый – эстетический, он выражается в исторических стилях или современной символической. Выбранный стиль нагружен определенным смыслом, которому должен уделять внимание любой исследователь города. Однако этот смысл определяется исторической траекторией, зависит от исторического опыта власти имущих. Европейская готика Вестминстерского дворца – это стиль «свободнорожденного англичанина», готика Страсбургского или Кельнского собора – *echt deutsch*, подлинно немецкая, тогда как готика венской Ратуши – это стиль независимых городов, во фламандской традиции. Неоклассицизм оказывается республиканским в Вашингтоне, но имперским в Париже и Санкт-Петербурге.

Второй аспект – политический, он предполагает рассмотрение архитектурных форм в качестве выражения «грамматики власти», как ее назвал норвежский теоретик архитектуры Томас Тис-Эвенсен³². Его набросок оказался для меня очень полезным. В этой «грамматике» приводятся шесть переменных и их значения для власти:

- Закрытость: более закрытые, более недоступные.
- Вес: тяжелее.
- Размер: больше.
- Дистанция: более удаленные от непосредственного окружения.
- Симметрия: более симметричные.

³² Thiis-Evensen T. Arkitekturens maktgrammatik // Maktens korridorer / ed. C. Kullberg Christophersen. Oslo: Norsk Form, 1998.

• Вертикальность: чем более высоким является здание, тем более концентрированной и более авторитарной является, скорее всего, власть того, кто его построил³³.

Пять из этих шести переменных могут пониматься в качестве индикаторов благоговения, внушаемого зданиями, а также помпезности, надменности и даже гордыни. Симметрия – это выражение порядка, центра, управляющего целым.

В том, что касается размера, современная власть обычно уступает архаичной, чем демонстрируется определенное приближение власти к народу. Версальский дворец занимал 16 акров, Московский Кремль – 68 акров, а Ватикан – около 110 акров, что можно сравнить со 175 акрами пекинского Запретного города, 255 акрами Красного форта в Дели и 1200 акрами дворцового комплекса Эр Фанг в Чаньане, существовавшего в 200 г. до н. э. Однако собор Святого Петра в Риме намного больше главных храмов Теночтитлана и тем более Куско. Если говорить о вертикальности, 146-метровая пирамида Хеопса 2500 г. до н. э. была абсолютным рекордсменом по высоте, пока в XX в. не появились небоскребы³⁴.

Эта «грамматика» не будет использоваться для упражнений вроде склонения на уроке латыни или для таксономии. Это список переменных, о которых стоит помнить, когда смотришь на здания и думаешь об их значении.

Монументальность

Монументальность ориентирована непосредственно на производство смысла. Латинское слово *monere* означает «напоминать». Своими архитектурными ансамблями, статуями, памятными досками и музеями городские монументы пытаются напомнить нам об определенных событиях и людях, передать определенный исторический нарратив, городской и (или) национальный. Та или иная искусственная веха также может представлять собой монумент, не обладая каким-то внутренним нарративом, но напоминая нам о сущности данного места. Такой памятной вехой является площадь Тяньаньмэнь в Пекине, выступающая элементом китайской национальной символики. Бранденбургские ворота и Эйфелева башня, хотя и не являются составляющими национальной геральдики, играют сходную роль для идентичности Берлина (и берлинцев) и Парижа (парижан).

В прагматически настроенной социологической урбанистике монументальность нередко игнорируют, и точно так же ею пренебрегал модернистский архитектурный и урбанистический авангард в период между двумя мировыми войнами. Однако в 1943 г. три лидера CIAM (Congrès internationaux d'architecture moderne – Международного конгресса современной архитектуры – авангардного архитектурного движения) – его будущий председатель Жозеп Льюис Серт, давний секретарь Зигфрид Гидион и художник Фернан Леже – опубликовали «Девять тезисов о монументальности», потребовав пересмотра модернизма.

Памятники – вехи человека, созданные людьми в качестве символов их идеалов, целей и действий... Памятники – выражение высочайших художественных потребностей человека... Они должны удовлетворять вечной потребности людей в преобразовании их коллективной силы в символы... Поэтому создание памятников возможно только в периоды, когда есть объединяющее сознание и объединяющая культура.

Достигнув шестого пункта, авторы переходят к обоснованию новой модернистской монументальности, но не слишком углубляются в детали, хотя и выступают за «современные мате-

³³ Сходный глубокий анализ внутреннего общественного пространства, такого как в парламентах или мэриях, см.: Goodsell Ch. The Social Meaning of Civic Space. Lawrence: University Press of Kansas, 1988.

³⁴ Therborn G. Modern Monumentality: European Experiences // Approaching Monumentality in Archaeology / ed. by J. Osborne. Albany: SUNY Press, 2014. P. 337 f.

риалы и новые технологии», «мобильные элементы» и цветные проекции³⁵. Они не стали отвечать на вопрос, подразумевавшийся ими же, а именно вопрос о том, существует ли все еще «объединяющее сознание и объединяющая культура». Нам нет нужды отвечать здесь на этот вопрос, поскольку монументальность может процветать и при разобщенности сознаний и культур.

Хорошим примером является Мадрид к концу 2014 г. Испанский король открыл в этом городе 15 октября большой памятник – статую адмирала XVIII в. Бласа де Лесо. Строительство памятника началось как частная инициатива, однако вскоре проект заручился безоговорочной поддержкой правого мэра Мадрида. Это произошло в преддверии каталонского кризиса, и хорошо подкованные в истории каталонские националисты не преминули указать на то, что де Лесо участвовал в обстреле Барселоны в 1714 г. (и ее окончательном захвате Испанией). Городской совет Барселоны формально потребовал убрать статую, на что мэр Мадрида ответила, что не сделает этого ни при каких обстоятельствах³⁶.

В Будапеште той же осенью 2014 г. либеральная общественность была крайне обеспокоена новым скульптурным ансамблем с чудовищной птицей, которая спускается на ангельскую Венгрию, что должно было послужить напоминанием о «немецкой оккупации» (с марта 1944 г. по конец Второй мировой войны). Памятник вполне обоснованно интерпретировался как попытка обелить реакционный антисемитский режим, который правил в Венгрии после 1920 г. и примкнул к нацистской Германии в начале Второй мировой войны³⁷.

На самом деле монументальные комплексы могут быть надежным показателем наличия разобщенности в стране. С началом протестных выступлений в Киеве в 2013 г. статуи Ленина были убраны по всей территории к западу от Киева, в столице осталась статуя с отбитым носом, однако к востоку от Днепра они продолжали стоять как ни в чем не бывало на центральных площадях любого важного города. После успешной смены режима Ленина теперь можно встретить только в Донбассе³⁸.

Современная монументальность в узком смысле статуй, триумфальных арок, аллегорических и иных скульптурных символов, пантеонов и колонн имеет европейские греко-римские корни, а портреты, используемые во время шествий, – христианско-европейские. У монументальности были свои периоды расцвета – императорский Рим и Париж XIX в., – но она все еще с нами и по-прежнему способна вызывать гражданские чувства. Этот символический репертуар был экспортирован в Новое время в другие цивилизации, так что его относительный дефицит в той же Восточной Азии следует интерпретировать в контексте его инородности. И в то же время мавзолеи и могилы, наделенные определенным символическим значением, входят в наследие всех азиатских культур.

Топонимия

Городские смыслы формируются также путем наименования улиц, мест, зданий и институтов, т. е. посредством *топонимии*. Официальное именование улиц стало европейской практикой после Средневековья. Первоначальные местные названия говорили о ремесленниках и лавках, которые имелись на такой-то улице, об особенностях естественного месторасположения

³⁵ Sert J.L., Léger F., Giedion S. Nine Points on Monumentality // Architecture Culture 1943–1968 / ed. by J. Ockman. N.Y.: Rizzoli, 1993. P. 29–30. Журнал «Architectural Review» (1948. Vol. 104. P. 117–128) организовал представительный модернистский симпозиум по проблеме монументальности с участием Лусио Коста, Зигфрида Гидиона, Генри-Рассела Хичкока и других, где шведский дизайнер-функционалист и историк искусства Грегор Паульссон оказался единственным антимонументалистом: «Эмоциональной целью архитектуры должна быть интимность, а не монументальность».

³⁶ El País. 2014. 23 November. 18.

³⁷ См., например: Marton K. Hungary's Authoritarian Descent // New York Times. 2014. 4 November. 6.

³⁸ Зимой 2016 г. была совершена неудачная ночная попытка покушения на памятник Ленину в Донецке.

или же о каком-нибудь колоритном обитателе квартала. Сконцентрированные в одном месте общенациональные и городские власти больше интересовались вопросом репрезентации.

Первой известной в таком качестве улицей стала, вероятно, Виа Джулиа в Риме, названная по имени великого римского планировщика начала XVI в. папы Юлия II. В Лондоне начиная с правления Генриха VIII были заложены несколько Кинг-стрит, не слишком больших. В 1765 г. был принят закон, согласно которому все улицы и площади должны иметь название и соответствующую табличку³⁹. В Париже официальные названия начали появляться в XVII в.: сначала они давались по именам членов королевской семьи, но потом и по именам государственных деятелей и первых слуг короля – Кольбера, Мазарини, Ришелье. В XVIII в., до Французской революции, уже были улицы, названные в честь глав гильдий и городских лидеров, а после 1728 г. был выпущен полицейский указ, согласно которому все парижские улицы должны иметь табличку с названием⁴⁰. В 1630-х годах мысль об официальном именовании улиц проникла в новую и влиятельную (хотя и ненадолго) столицу Стокгольм, где регентское правительство начало с того, что увековечило себя в Regeringsgatan (Правительственной улице).

Позже эта практика распространилась по всему ареалу европейских империй и проникла в республиканский Пекин⁴¹, но так и не закрепилась в Японии, в которой сохранилась адресная система квартального типа. В противоположность коммунистической Европе, именование (или переименование) улиц не было особенно важным для коммунистического Китая, хотя иногда такие случаи и бывали. В 1990-х годах Всемирный банк составил руководство по именованию улиц, ориентированное по большей части на Африку.

В Вашингтоне основные проспекты названы по американским штатам, больше всего из них выделяется Пенсильвания-авеню, за которой следует Нью-Йорк-авеню, связывающая Капитолийский холм с Белым домом. Современная американская страсть к топонимии аэропортов, больниц, университетских зданий и т. п. распространилась, видимо, сравнительно недавно. И именно в американских городах впервые стали применять весьма прагматичный способ именования улиц с использованием алфавита, как в Вашингтоне.

Некоторые методологические проблемы

Смысл города нельзя полностью понять, основываясь исключительно на имеющемся городском пейзаже, каким бы острым ни было урбанистическое зрение. Большинство городов довольно стары, а это значит, что они состоят из многих слоев пространственного планирования, относящихся к разным временам, а потому и из множества проявлений смыслов. В большинстве отдельных моментов времени города следует интерпретировать диахронически. Необходимо погрузиться в историю города и в планы города, и не только в реализованные, но и в те, что так и остались на бумаге. В целом современные города следует рассматривать с точки зрения культурной геологии. Городские тексты нужно расшифровывать в архивных контекстах, используя привилегию историка перед археологом.

Осло являет собой прекрасную иллюстрацию необходимости держать в уме исторические наслоения при интерпретации современного городского пейзажа. Центральное, возвышающееся над остальными здание современного Осло – это королевский дворец, построенный в XIX в. для губернатора шведского короля, однако современным центром власти является парламентское здание стортинга на главной улице ниже дворца. Конфигурация двух этих зданий говорит нам кое-что интересное о переходе от шведского королевского правления к норвежскому парламентскому, но было бы ошибкой считать ее информативной подсказкой касательно власти в современной Норвегии.

³⁹ Weinreb B., Hibbert Ch. (eds). The London Encyclopedia. L.: Papermac, 1993. P. 444 ff, 864, 986 f.

⁴⁰ Hillairet J. Dictionnaire historique des rues de Paris. Paris: Editions de Minuit, 1963. P. 38.

⁴¹ Yue Dong M. Republican Beijing. Berkeley: University of California Press, 2003. P. 71 ff.

Мы уже обращали внимание на многозначность архитектурных стилей. Даже анализируемые в политическом ключе архитектурные формы не всегда можно понять, основываясь на общих принципах строительства. Например, прозрачность ныне интерпретируется как качество демократического правления, а потому и демократической архитектуры, что подчеркивается в самопрезентации парламентского комплекса Евросоюза. Однако есть знаменитый пример итальянского фашистского модернизма: Каза-дель-Фашио в Комо, построенная Джузеппе Терраньи, – легкое четырехэтажное здание с большими стеклянными дверьми, открывающимися на площадь, и большими окнами. Оно должно было демонстрировать прозрачность фашизма как «стеклянного дома», в котором «нет препятствий между политическими руководителями и народом»⁴².

⁴² О Джузеппе Терраньи дополнительно см.: *Kallis A. The Third Rome, 1922–1943*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. P. 57–58, 64 ff.

Национальная власть и пути к современным национальным государствам

С политико-культурной точки зрения на всемирную историю развитие национальной власти и национальных государств представляется важнейшим историческим водоразделом и, по сути, ключевым политическим аспектом Модерна. К 1700 г. в мире не было ни одного государства, которое бы представляло себя в качестве государства суверенной власти нации. Британия, в XVI в. осмелившаяся претендовать на национальный статус⁴³, после небольшой республиканской интерлюдии снова стала управляться посредством династической монархии, а революционное соглашение 1688 г. было компромиссом двух донациональных монархических принципов. Принцип тори предполагал, что «король является источником любого правосудия и всей власти», тогда как принцип вигов, который получил преимущество, указывал на то, что «король Яков II... нарушив изначальный договор между королем и народом... тем самым отрекся от правления... и оставил трон пустовать»⁴⁴. Нидерланды к тому времени представляли собой конфедерацию городов и местных сообществ, составленных из семи Соединенных Провинций.

Сегодня же все государства, за исключением Саудовской Аравии и эмиратов Персидского залива, позиционируют себя в качестве национальных государств. Главной темой этой книги как раз и является то, что значила для городов и городских репрезентаций власти эта глобальная трансформация политической власти, которая не ограничилась провозглашением национальных государств.

Национальная власть, национальные государства и национальные столицы – все это особые феномены, отличающиеся от гораздо более исследованных и дискутируемых тем национальной идентичности и национализма. Национальные идентичности являются частью обширного поля «инаковости», т. е. различия «нас» от «них», и в таком качестве у них довольно старые корни. Национализм относится к секулярному идеологическому полю различных «измов», возникших в Европе после Французской революции⁴⁵.

Национальная власть – это концепция легитимной власти, которая отказывается от прежних концепций «божественной благодати», «небесного мандата», происхождения, как в случае княжеской династии или же олигархических *regimentsfähigen Familien* (семей, способных к правлению, как они назывались в швейцарских городских кантонах), а также возраста-и-происхождения, как в случае племенных старейшин. Движение за национальную независимость от империй началось в Северной и Южной Америке около двух столетий назад и стало главным моментом истории XX в. Именно в этом смысле национальная власть является политическим ядром обширной культурной трансформации, которую мы называем Модерном. В принципе, нация – это население определенной территории; национальная власть и национальный суверенитет представляли собой ее претензию на правление. Длительное время к этому населению относились по большей части лишь взрослые мужчины, не состоявшие в крепостной зависимости, которые установили сцену для последующей борьбы вокруг вопроса о том, кто именно является членом нации. Национальное государство – это практическая институционализация национальной власти. Если говорить в категориях города, борьба за национальную власть была сосредоточена на превращении княжеского *Rezidenz*-города, олигархического

⁴³ *Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992; Гринфилд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008*, хотя автор больше интересовалась национальной идентичностью.

⁴⁴ Цит. по: *Dillon P. The Last Revolution: 1688 and the Creation of the Modern World. L.: Pimlico, 2006. P. 212, 217.*

⁴⁵ Обширную научную литературу по этому вопросу можно свести к ключевым работам нескольких авторов, которых можно перечислить в алфавитном порядке: Бенедикт Андерсон, Эрнест Геллнер, Энтони Смит и Эрик Хобсбаум.

купеческого города, религиозного центра (например, Рима) или центров имперской/колониальной власти в национальные столицы. В белых доминиях Британской империи национальные столицы были построены в качестве политической замены колониальных столиц.

Модерн, национальные государства и четыре их основные исторические траектории

Слово «модерн» (modernity) можно использовать в качестве сокращенного наименования актуальной или недавно возникшей культуры. В искусствах оно стало обозначать господство определенного стиля или установки, т. е. «модернизм». В социологии было импортировано для обозначения определенного социального процесса (по большей части определенного заранее), т. е. «модернизации». Слово «modernus», появившееся в постклассической латыни, означает «современный, сегодняшний». С моей точки зрения, понятия должны быть не просто ярлыком, но делать нечто большее. Они должны пробуждать любопытство, провоцируя новые исследовательские вопросы. Понятия должны использоваться на практике.

В таком случае применение понятий «модерный» и «модерн» (или «современный» и «современность») предполагает следующие вопросы: что значит быть современным? Как и когда определенный социальный период можно интерпретировать в качестве периода Модерна? Должны ли такие периоды определяться социально-культурными регионами и (или) территориальными областями?

Я считаю, что лучшее и наиболее общеприменимое определение состоит в том, что быть современным (или «модерным») – значит не быть связанным традицией, мудростью наших отцов, навыками наших мастеров и каким бы то ни было древним авторитетом. Быть современным – это *культурная ориентация времени* на настоящее и на будущее, не больше и не меньше.

В таком случае современная культура представляется культурой, в которой эта ориентация времени господствует, а Модерн – это эпоха подобного господства. Вместо того чтобы прикреплять ярлык к тому, что мы наблюдаем и о чем пишем, мы, соответственно, сталкиваемся с рядом вопросов, у которых нет самоочевидных ответов: когда наступил Модерн? По-разному ли это происходило в разных культурных сферах, в науке, в разных искусствах, в концепциях истории, в политике, экономике, семейной жизни? Действительно ли он утверждался в разных странах по всему миру по-разному и в разные исторические моменты? И если так, влияют ли различные траектории, ведущие к Модерну, на сегодняшнюю социальную и культурную жизнь?

Думаю, что из подборки вышеуказанных вопросов вытекают преимущества рассмотрения Модерна не в качестве «способов социальной жизни... которые начали возникать в Европе начиная примерно с XVII в.»⁴⁶, а в качестве того, что еще только надо открыть и определить. Здесь мы должны сосредоточиться на трех проблемах. Во-первых, если считать, что в глобальном масштабе Модерн утверждает себя в разных социально-культурных областях и в разные времена, тогда может ли случиться какой-то прорыв в одном секторе, который можно было бы считать важнее других, а потому и использовать в качестве индикатора? Я отстаиваю позицию, согласно которой Модерн политической власти или политического образования является решающей переменной в силу ее внутренней способности влиять на все остальные социально-культурные сферы. Однако влияние современной политической власти на традиционализм/модерн общества может быть большим или малым, быстрым или медленным. Есть здесь и прагматическая причина: политические перемены обычно отличаются бурным характером, а потому их намного проще вычислить и датировать, чем перемены экономические.

Во-вторых, чем тогда является современное государство как таковое? Ответ на этот вопрос, если преследуются аналитические, а не идеологические цели, лучше было бы не пере-

⁴⁶ Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. P. 1; Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. С. 111.

грузить частными институциональными качествами, обычно выводимыми из характеристик родной страны исследователей или же некоей идеальной страны. Простой, прямолинейный и неаприорный ответ – это *национальное государство*. Конечно, нации часто говорят о своем прошлом, однако, когда они возникают, политика нации утверждает власть настоящего против прошлого. Национальное государство – это сформировавшее само себя образование, претендующее на то, чтобы править собой в открытом, не предписанном заранее будущем, не связывая себя прошлыми генеалогиями, уничтожая или сокращая права князей, каков бы ни был их титул, отрицая колониальные власти и выходя за пределы традиционных прав и полномочий племенных старейшин или же наследственных городских олигархий.

В-третьих, можно ли ввести такую глобальную типологию наступления политического Модерна, которая была бы аналитически выполнимой и в то же время подкреплялась бы эмпирически? Да: когда я занимался глобальным исследованием развития избирательного права⁴⁷, мне пришла в голову идея, что существует четыре основных пути к современному национальному гражданству, четыре основные траектории по направлению к Модерну, определяемые конфликтами тех, кто «за» и «против» нового, т. е. конфликтами между модерном и традицией, модерном и антимодерном. Различие между ними можно провести в общих аналитических категориях, а потому они могут использоваться не только для разграничения групп различных стран, но также в качестве идеальных типов, два или большее число которых могут выполняться в той или иной конкретной стране.

Как порождалась новая политическая культура? Внутри, в данном обществе, или же она импортировалась или навязывалась извне? Кто представлял силы нового? Новая страта внутри данного общества, внешняя сила или же часть старой внутренней элиты? Где находились основные силы антимодерна, традиционного авторитета и подчинения – внутри или вовне?

Придерживаясь этой логики, мы можем провести различие между четырьмя основными конфликтными конфигурациями. Они возникли как эмпирические обобщения, но также могут использоваться в качестве идеальных типов, особенно потому, что их можно разместить в логическом пространстве свойств⁴⁸. Эта возможность сработала прежде всего в двух важных гибридных случаях – России и Китая. Однако четыре основных действительных пути к Модерну были открыты следующими способами.

Новая ориентация на будущее, присущая последним векам, первоначально возникла в Европе не в качестве естественного проявления европейской цивилизации, а из внутренних конфликтов самой Европы, прежде всего северо-западной; к числу этих конфликтов можно отнести и войны за европейские заморские империи. Другими словами, европейский путь – это путь гражданской войны, пусть и не всегда насильственной, в которой силы разума, просвещения, нации/народа, изобретения и перемен выступили против сил вечных истин Церкви, высочайшей мудрости и красоты древней философии и искусства, божественных прав королей, древних привилегий аристократии и обычаев отцов и дедов. Он был связан с расцветом торговли, капитала и промышленности, построенной на колониальном накоплении ресурсов заморских территорий.

Таблица 1. Пути к Модерну (и через Модерн) в зависимости от месторасположения сил и культур: «за» и «против»

⁴⁷ Therborn G. The Right to Vote and the Four Routes to/through Modernity // State Theory and State History / ed. by R. Torstendahl. L.: SAGE, 1992. P. 62–92.

⁴⁸ Не все логические комбинации оказались эмпирически значимыми.

Домодернист- ские/антимодер- нистские силы	Промодернистские силы		
	Внутренние	Вынужденный	Импортированный и выученный
Внутренние	Европа	Колониальная зона	Реактивная модернизация
Внешние	«Новые миры» (государства колонистов)		

ПРИМЕЧАНИЕ: К числу стран реактивной или внешне спровоцированной модернизации относятся Япония, Китай династии Цин, Османская империя/Турция, Иран и Сиам/Таиланд.

С глобальной точки зрения выделяются два аспекта европейской нации. Первый – ее закреплённость в народной и территориальной истории, отличная от земельной собственности княжеской власти. Второй – ее значительная и довольно специфическая культурная нагрузка, ядром которой является разговорный язык. Стандартизация и гомогенизация национального языка была главной частью национальных политических программ, «создания итальянцев» и превращения «крестьян во французов», как было сказано в замечательной книге Юджина Вебера⁴⁹. Создание национального языка посредством отбора диалектов, грамматической и орфографической кодификации стало основной задачей интеллектуалов европейских малых наций в XIX в. от Балкан до Норвегии. Там, где это было возможно, языки меньшинств подавлялись из национальной культуры.

Государства колонистов в обеих Америках должны были создать новые нации, которые в мифологическом и эмблематическом отношении опирались, конечно, на исторические примеры, служившие символическими ресурсами, – на античный европейский республиканизм, если говорить о США, на исторический опыт католицизма и на доколумбову (т. е. инкскую и ацтекскую) высокую культуру в Латинской Америке, но не претендовали на этнокультурную территориальную историю, разделяя свой язык со своими метрополиями.

Наиболее характерной чертой Нового Света стала присущая ему концепция *нации как клуба*, в который можно и нужно набирать желательных членов. Целевая иммиграция из Европы была главным аспектом строительства нации. «Править – значит населять», – сказал выдающийся аргентинский политик середины XIX в. Хуан Баутиста Альберди⁵⁰. Особенно в латиноамериканском, бразильском и, к примеру, аргентинском, дискурсе такой клубный набор открыто называли «отбеливанием» или «цивилизованием» нации⁵¹. Долгое время полноправными гражданами новых наций Америк и Австралии считались только люди внешнего, т. е. европейского происхождения.

Нации колониальной зоны составляют третью разновидность, а именно *нации, определяемые в качестве бывших колоний*. Там не было ни исторических территорий, ни народов как исторических единиц, одни лишь колониальные границы. Приняв редкое по своей мудрости решение, африканские лидеры националистического движения решили принять все эти

⁴⁹ Weber E. Peasants into Frenchmen. Stanford: Stanford University Press, 1976.

⁵⁰ Chanda N. Bound Together. New Haven: Yale University Press, 2007. P. 165.

⁵¹ Zea L. El pensamiento latinoamericano. Mexico City: Pormaca, 1965. Vol. 1. P. 65 ff, 103 ff; cp.: Annino A., Guerra F.-X. Inventando la nación. Iberoamérica. Siglo XIX. Mexico City: Fondo de Cultura Económica, 2003.

границы, пусть даже произвольные и разделяющие культуры. Али Джинна поступил не так, и Британская Индия, которая была больше любого доколониального государства Индии, раскололась на Индию, которую Неру отказался называть «Индустаном», Пакистан и Бангладеш, причем раскол сопровождался ужасными погромами и военными столкновениями.

Сохранение колониального языка – это, вероятно, наиболее явное наследие колониального пути к Модерну со всеми связанными с ним сложными и иерархическими отношениями нации и культуры, хотя в многоязычных странах, таких как Нигерия, где, по разным оценкам, от 400 до 500 языков⁵², или в Индии, где, согласно недавнему лингвистическому анализу переписи населения⁵³, существует по крайней мере 122 языка, этот ход был обоснован прагматически.

Европейское представление о том, что нация определяется ее языком, не могло применяться к бывшим колониям. Когда же оно и правда применялось, как в Пакистане, это вело к катастрофическим результатам, начиная с болезненного отделения восточной Бенгалии в 1952 г. от Западного Пакистана, где лидеры продвигали урду, хотя могольский вариант урду и там не был родным языком большинства населения⁵⁴.

Общее наследие антиколониализма состоит в сильном национализме как решающей массовой политике современного толка. Постколониальная культура также обычно явно разделена между элитной культурой и массовой. Элитная культура в основном передается на языке бывшей колониальной державы, т. е. языке, который большинство населения не понимает. В столице, как правило, воспроизводится колониальное разделение, постколониальная элита занимает официальные здания, а также частные особняки и виллы колонизаторов. Обычно сохраняются и колониальные практики управления, хотя часто они подвергаются коррупции и страдают из-за дефицита государственных ресурсов.

Традиционные авторитеты и ритуалы часто не уходят в прошлое, опираясь как на их колониальную институционализацию, так и на национальный престиж. Традиционные лидеры, хотя их использовали в колониальном непрямом правлении, нередко встраивались в современный антиколониальный национализм. Например, в учредительной программе ганской Народной партии конвента в качестве первой цели была заявлена «независимость всего народа Ганы и их “одикрос” [традиционных правителей]»⁵⁵. Современный малайский национализм, как указывает мемориал национального парка Тунку Абдал Рахман в Куала-Лумпуре, возник после Второй мировой войны в качестве протеста против планов британцев сократить полномочия традиционных правителей и установить равные колониальные гражданские права для малайцев, китайцев и тамиллов. Тогда как независимая Индия распрощалась с княжествами Индии.

Нация реактивной модернизации – это *досовременное королевство*, определяемое законом князя, императора, короля или султана. Так понимали ее успешные модернизаторы Японии Мэйдзи, как и менее успешные правители Сиам и Абиссинии, а также вскоре разгромленные модернизаторы Кореи династии Чосон, Китая династии Цин и Османской империи. Повседневное свое название королевство часто (хотя и не в Японии) получало от историче-

⁵² Simpson A., Oyètádé B.A. Nigeria: Ethno-Linguistic Competition in the Giant of Africa // Language and National Identity in Africa / ed. by A. Simpson. Oxford: OUP, 2008. P. 172.

⁵³ Mitchell L. The Color Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. Ch. 7. Единственные исключения возникли в зонах развитой доколониальной межязыковой торговли, в индонезийском архипелаге, где сформировался малайский язык как *lingua franca*, который в середине XX в. был переименован националистами в «индонезийский язык» (Bahasa Indonesia) (см.: Anderson B. Language and Power. Ithaca: Cornell University Press, 1990. Part II), и в Восточной Африке, в Танзании и Кении, где менее успешный суахили, язык группы банту, сформировался в контексте арабской торговли и был принят в качестве национального языка наряду с английским и местными наречиями (см.: Githiora Ch. Kenya: Language and the Search for a Coherent National Identity // Language and National Identity in Africa / ed. by A. Simpson. Oxford: OUP, 2008; Topan F. Tanzania: The Development of Swahili as a National and Official Language // Ibid.).

⁵⁴ Rahman T. Language and Politics in Pakistan. Oxford: Oxford University Press, 1997. Ch. 6.

⁵⁵ Poe D.Z. Kwame Nkrumah's Contribution to Pan-Africanism: An Afro-Centric Analysis. L.: Routledge, 2003. P. 94.

ски наследуемого режима, синонимичного правящей династии. В этом случае современная задача состояла не в национальной эмансипации, а в перестройке королевства в нацию. В Японии такая задача была в большей степени упрощена высокой этнической однородностью страны и незначительным отличием связанных друг с другом регионов. Наиболее значительной мерой национальной унификации стала отмена феодальных владений даймё, в результате чего их земли были возвращены «императору». Модернизаторы Мэйдзи выстроили современную японскую нацию вокруг символа и мистики императора, чей статус, хотя и не власть, все больше превозносился по мере продвижения процесса модернизации, достигшего кульминации к 1930-м годам и войне на Тихом океане во время Второй мировой.

В XXI в. в Японии и Таиланде монарх является высочайшим символом нации, в сравнении с которым британский монарх, несмотря на все оказываемые ему почести и протокол, выглядит просто гражданской знаменитостью, но это именно символ нации, а не землевладелец. Великий модернизатор Сиам король Чулалонгкорн (Рама V) стал даже предметом религиозного культа, что я понял в 2007 г., взглянув на его конную статую в Бангкоке.

Национальный язык и культура не являлись в этом случае основными вопросами. Они были заданы собственно королевством или царством, хотя статус китайской цивилизации и культуры пострадал от постоянных поражений Китая. Они вышли на передний план, когда турецкая нация пришла на смену развалившейся Османской империи.

Национальные столицы, возникшие в ходе освобождения от колониализма или же в результате реактивной модернизации, отличаются двойственностью в своих тенденциях, поскольку в них накладываются друг на друга урбанистические элементы разных цивилизаций. Гегемоническая комбинация, впрочем, в этих случаях разная. Центр колониального города был построен завоевателями, а потом его захватили бывшие колонизированные, фактически воспроизводя характерную для колониального города двойственность. Центр реактивной модернизации – обычно это княжеский дворец и его окружение – оставался в руках местного населения, хотя и «модернизировался» за счет импорта зарубежного стиля и удобств. Парафразируя учение социалистического реализма, мы могли бы сказать, что он был иностранным по форме, но местным по содержанию.

Два больших гибрида

Реальная история настолько запутана, что ее редко удастся отобразить прямыми линиями научных идеальных типов. В истории Модерна присутствуют два больших гибрида, существенно повлиявших на историю XX и XXI столетий, а именно Россия и Китай. Россия была частью Европы еще с тех времен, когда последняя находилась во власти христианского мировоззрения. В XV в. московский князь женился на византийской принцессе и пригласил в Кремль итальянских архитекторов, чтобы обосновать претензию на то, что Москва – это третий Рим. Петр I узнал о современном мире в Нидерландах, а к концу XVIII в. двор Екатерины II стал частью франкоязычного Просвещения, там привечали Дидро как придворного *philosophe*. В XIX в. царская Россия стала европейским прообразом будущих США времен глобальной холодной войны, т. е. *gendarme*, к которому обращались в крайнем случае, когда нужно было подавить восстания против статус-кво. Внутри России существовали также мощные течения европейского рабочего движения, марксистская социал-демократия.

В то же время Россия была недоразвитой частью Европы, и ее правящая элита, от Петра I до Ленина, вполне понимала это. Реактивная модернизация – попытка догнать врагов, обладающих большими ресурсами, – была второй ключевой частью русского пути к Модерну, начиная с применения Петром абсолютистской власти для строительства Санкт-Петербурга, а не Петергофа как копии Версаля и заканчивая концепциями Ленина и Сталина о соответственно социализме как электрификации и стремительной индустриализации.

Поздний Китай династии Цин попытался провести реактивную модернизацию, но без особого успеха, как показало опустошительное империалистическое вторжение в Пекин в 1900 г. Тем не менее Китай никогда не был, строго говоря, колонизирован; им никогда не правил иностранный генерал-губернатор. Но частично он все же был колонизирован: его главные порты были в основном «концессиями» зарубежных империалистических государств, а важный источник дохода, таможня, контролировался межимпериалистическим консорциумом.

Гибридная природа Китая включала и третий, тоже немаловажный элемент, а именно своеобразный вариант европейской классовой структуры и мобилизации. Коммунистическая партия Китая претерпела немало изменений, однако ее итоговый успех в качестве марксистской классовой организации берет начало в Европе и европейском рабочем движении, пришедшем в Китай через Коминтерн (Коммунистический интернационал) в 1920-е годы.

И если послеосманскую Турцию можно считать поздним случаем реактивной модернизации, Египту, как важной и независимой части прежней Османской империи, после нескольких нерешительных попыток султана, окончившихся неудачей, пришлось пережить превращение экстравагантной хедивной модернизации в полуколониальную зависимость.

Резюме

Национальные государства образовали критические точки Модерна, создавая политическое пространство открытых горизонтов действия, независимо от того, считала ли нация себя укорененной в территории и культуре предков. В самом своем существовании, как концепция и как способ политического учреждения, национальные государства возникли из существенно различающихся констелляций власти, что определялось их историей развития. Соответственно различались и их столицы, причем эти различия ранее никогда систематически не исследовались, а может быть, не исследовались и вовсе.

Существовало четыре основных пути к национальной государственности:

1. Европейский путь: обусловленная извне, но внутренняя реформа или революция.
2. «Новый Свет» европейских колонистов, отколовшихся от родины: отросток европейских традиций.
3. Колониальный путь к независимости: обращение колониального Модерна против колонизаторов.
4. Реактивная модернизация сверху: новый способ защиты королевства от новых угроз.

Все эти пути можно считать идеально-типическими траекториями, которые в некоторых странах могут сочетаться друг с другом. Два главных центра коммунизма XX в., Россия и Китай, были двумя большими гибридами, образовавшимися в процессе формирования современного государства. Моя гипотеза состоит в том, что эта гибридность нации/Модерна сыграла ключевую роль в победах коммунизма в России и в Китае, но это уже другая история.

Кроме того, новые национальные столицы свидетельствуют не только о контексте образования национального государства, но также о его политическом процессе, будь он постепенным или резким. Возникло ли национальное государство из внезапно разразившегося насильственного конфликта, революции, гражданской войны, войны за независимость, или же оно постепенно сложилось путем накопления небольших перемен во власти либо, что еще один вариант, – путем переговоров?

В следующей главе мы исследуем учреждение и строительство крупных столиц, возникших на этих четырех путях формирования национального государства. Потом мы рассмотрим то, как в национальных столицах, разных по своим конститутивным корням, национальные элиты столкнулись с определенными народными и глобальными вызовами. Гибриды Москвы и Пекина будут разбираться в отдельной главе, посвященной возникновению и исчезновению коммунизма.

Глава 2

Национальные основания. Европа: преобразование княжеских городов

Европа стала первым регионом мира, который порвал с прошлыми авторитетами, мудростью и эстетическим каноном. Однако в глобальном контексте наиболее поразительным аспектом европейских национальных государств и их столиц является преемственность на уровне истории, а также территории, языка, религии, архитектуры и городского плана. Этот парадокс первопреходческого модернизма, совмещающегося с фактической тенденцией к сохранению памятников старины, объясняется в основном европейским империализмом. Европа – единственная часть мира, досовременность которой не была завоевана и подавлена, которая не подвергалась смертельной опасности и не унижалась. Соответственно, ее донациональные и домодерные предыстория и наследие играют в этом случае бóльшую роль, чем в столицах, возникших по другим национальным траекториям. Что касается городов, у этой предыстории две основных черты: особая городская система и форма урбанизма, с одной стороны, и исторически сложившийся словарь архитектурного языка и символических форм – с другой.

Ядро европейской цивилизации было городским в особом и уникальном смысле; оно сформировалось в суверенных городах, городах-государствах, которые были частью региональных систем обмена, соперничества, конкуренции, войны и союзничества. Города-государства сформировались и на других континентах, но нигде больше они не образовали политических и культурных систем сравнимого значения. Речь о Древней Греции, на смену которой пришли Древний Рим – город, построивший целую империю, и Византия – еще один город, на котором держалась империя. После падения средиземноморских античных держав античная цивилизация возродилась во Флоренции и других городах-государствах Ренессанса.

Европейские города представляли собой совершенно особые юридическо-политические образования, характерным моментом которых были гражданские (или «бюргерские», от немецкого *Bürger*) права их свободных граждан⁵⁶. Даже если европейские большие и малые города не являлись суверенными государствами, обычно в больших и богатых городах имелись институты коллективного самоуправления, представленные величественными зданиями городских советов и администрации. У них были собственные правовые системы, которые распространялись по городским сетям, образованным вокруг определенных узлов: так, право Магдебурга распространилось на восток, достигнув таких городов, как Киев, а право Любека – на север до балтийских городов. Ключевым элементом формы европейского города была центральная общественная площадь: греческая *агора*, римский *форум*, итальянская *piazza*, романская *place/plaza*, немецкий *Platz*, русская *площадь*.

Архитектурные памятники греческой и римской античности определили классицизм как стиль европейских строений. Это была определенная форма, язык которой, несмотря на взлеты и падения во вкусах, постоянно присутствовал в европейской архитектуре (а также в архитектуре других континентов, куда он был завезен) вплоть до середины XX в., когда победу одержало модернистское движение. Эта форма могла даже сочетаться с модернизмом, что заметно по некоторым из лучших образцов итальянского фашизма, например EUR (*Esposizione Universale di Roma*) – выставочному комплексу, построенному в Риме для всемирной выставки, которая так и не состоялась. На самом деле современный национализм, прежде всего французский революционный и наполеоновский символизм, в вопросах пуб-

⁵⁶ Классическим исследованием этого особого, автономного европейского города является посвященный ему большой раздел в «Хозяйстве и обществе» Макса Вебера.

личных церемоний, живописи и терминологии опирался на классическое наследие в большей мере, чем предшествующий ему *ancien régime*, и примерами могут служить Храм Разума, Марсово поле, Пантеон и, если брать монументальную архитектуру, Вандомская колонна и Триумфальная арка. Недавно образовавшиеся США в значительной мере определили так называемое греческое возрождение начала XIX в., о чем свидетельствуют общественные здания Вашингтона. Домодерная архитектура Европы выработала значительный репертуар стилей, которые в XIX в. часто смешивались в так называемом историзме или эклектизме. Если не считать классицизма, наиболее значительным элементом этого репертуара была средневековая готика, оставшаяся от французской «эпохи соборов». В националистический период она вернулась, громко заявив о себе.

До наций

Парадигматическое европейское национальное государство выросло из ранее существовавшего донационального государства, поэтому его столица сформировалась в результате длительного донационального исторического развития. Хотя наш рассказ начинается с национальных государств и национальных столиц, в силу значительного донационального наследия, имеющегося почти у всех стран Европы, полезно будет изложить пролог к этой истории.

Церковь, земля, город и король – вот к чему сводится предыстория национальных государств и национальных столиц. Церковь была самым важным проводником классического наследия в Темные века. Классический Пантеон, построенный при Агриппе перед самым началом христианской эры и реконструированный Адрианом в 130 г. н. э., был освящен в 609 г. как храм Святой Марии и Мучеников. Когда папы начали перестраивать Рим после своего возвращения из Авиньона (к концу XIV в.), одним из их нововведений стали статуи Христа и (или) надписи с их собственными именами на императорских колоннах. Два известных примера – колонна Траяна и колонна Марка Аврелия (на современной площади Колонны), которые впоследствии были снабжены статуями святых Павла и Петра соответственно, поставленными на их вершины, и надписью в память о даре папы Сикста V.

Церковь была важным строителем памятников в Средневековье, как и позже, начиная с Ренессанса и барочного Рима до Лондона XVII в. после Большого пожара. Собор Парижской Богоматери, Вестминстерское аббатство, более поздний собор Святого Павла, собор Святого Стефана и собор Святого Петра – все это непревзойденные досовременные строения Парижа, Лондона, Вены и Рима. То же самое относится к церкви Матяша в Будапеште. Эскориал неподалеку от Мадрида был одновременно монастырем и одним из наиболее впечатляющих королевских дворцов. Лишь Кремль московских царей и ратуша провинциального Брюсселя, богатого торгового и промышленного города, указывали на мощь светской власти и ее богатство⁵⁷. Берлин в Средневековье важным городом не был, а в архитектурном плане стал амбициозным только во второй половине XVIII в. Другими словами, в Берлине не было важного досовременного центра памятников, однако там был замок Гогенцоллернов, курфюрстов Бранденбурга-Пруссии⁵⁸.

Церковь организовывала ритуалы коллективности, начиная с мессы и заканчивая коронациями королей и похоронами, тогда как церковные здания служили наиболее важным пространством для поклонения этим фигурам из дольного мира и увековечивания их в захоронениях, статуях и бюстах королей, аристократов, а иногда и поэтов⁵⁹. Судя по всему, со времен Тюдоров в лондонском Вестминстерском аббатстве и соборе Святого Павла размещалось больше мемориальных памятников, чем в большинстве крупных храмов Европы, и уж точно они были более разнородными по своему характеру⁶⁰. В целом захоронения играли большую роль в династической системе памятников, что более всего заметно по аббатствам Сен-Дени и Вестминстер, а также по венскому Императорскому склепу (Kaisergruft) Габсбургов.

В некоторых случаях – не редких в папском Риме – городской ландшафт украшался статуями святых и обетными памятниками, такими как Чумные колонны в Вене и Будапеште (ныне

⁵⁷ Огромный Кремль включает несколько храмов.

⁵⁸ В Швеции церковной столицей была Упсала, которая расположена в 80 км к северу от Стокгольма. Там находился собор для коронаций, так что в политическом центре города доминировал королевский замок.

⁵⁹ Уголок поэтов в Вестминстерском аббатстве был так назван и институализирован в XVIII в., хотя, к примеру, Джефри Чосеру поставили там внушительный памятник еще в 1556 г. (Pevsner N. London I: The City of London. Pevsner Architectural Guides. New Haven, CT: Yale University Press, 1957. P. 383 ff).

⁶⁰ Это предварительный вывод, основанный на сравнении моих поверхностных впечатлений с подробным исследованием Николауса Певзнера (Ibid. P. 122 ff, 360 ff).

часть Будапешта) или же Карлскирхе в Вене, также возведенная в благодарность за избавление от чумы⁶¹. В XVII в. в Лондоне Кристофер Рен построил не только новый собор Святого Павла, но и 50 других церквей в городе⁶².

Папский Рим – в период с кульминации и до заката своего великолепия – дополнил городскую систему памятников двумя элементами, если не считать собора Святого Петра. Одним из них была прямая осевая дорога с ее длинной городской перспективой, а именно Виа Пия от Квиринала до Ворот Пия, построенная в 1561–1562 гг., задолго до Невского проспекта, Елисейских Полей и других аналогов⁶³. Вторым была грандиозная площадь перед собором Святого Петра, способная во время торжеств вмещать сотни тысяч паломников, прибывших в Рим. Свою окончательную форму она приобрела с колоннадами Бернини примерно в 1660-е годы, став, по сути, одним из наиболее элегантных монументальных публичных пространств в мире.

⁶¹ Лондонский монумент в память о Великом лондонском пожаре 1666 г. был по своему характеру похожим, хотя официально и секулярным. В 1681 г. на нем была сделана гневная антикатолическая надпись с обвинением в адрес «папского исступления», ставшего якобы причиной пожара. Надпись удалили в 1831 г. (The London Encyclopaedia / ed. by B. Weinreb, C. Hibbert. L.: Macmillan, 2008. P. 541).

⁶² Whitney M. Wren. L.: Thames & Hudson, 1971. P. 45.

⁶³ Girouard M. Cities and People. New Haven; L.: Yale University Press, 1985. P. 120 ff.

Развитие территориальных столиц

До того как мог возникнуть тот или иной комплекс центральных городских памятников, уже должна была существовать столица. Европейское Средневековье началось с новой массовой аграризации социально-политической жизни. Сама идея столицы исчезла⁶⁴. Даже величайший из правителей раннего Средневековья, Карл Великий, не нуждался в столице, хотя Аахен (Экс-ля-Шапель) в поздний период его правления стал его любимой резиденцией. Париж стал *caput regni* только в первой половине XIV в.⁶⁵ И не всегда такое развитие было окончательным. В последние десятилетия длительного и сильного правления Людовика XIV Париж превратился в огромный пригород Версаля. В последние 22 года своей жизни Людовик посещал Париж только четыре раза⁶⁶. Пока не случилась революция, отношение Парижа к Версалию так и не прояснилось.

Лондон взял на себя функции постоянной столицы к XII в. До этого скромной политической столицей Англии был Винчестер, где хранились регалии и королевская казна и куда приходили результаты переписи для «Книги Страшного суда»⁶⁷. Однако функции столицы были сосредоточены вокруг Вестминстера, т. е. королевского дворца и аббатства, который служил храмом для коронаций. Лондон какое-то время оставался скорее городом-спутником Вестминстера, располагаясь от него в нескольких километрах вниз по реке и на восток.

Вена стала постоянной столицей Габсбургов в XVII в. (главной альтернативой была Прага), но окончательно приобрела такую функцию, только когда начали отступать османы, после их неудачной осады Вены в 1683 г.⁶⁸ Россия выросла из Московии, однако Петр I перенес столицу из Москвы в Санкт-Петербург в начале XVIII в., после решающей победы в Северной войне под Полтавой в 1709 г. После Октябрьской революции Москва снова стала главной столицей: «главной» потому, что в царистской России, СССР и посткоммунистической России у этих двух городов сохраняется особый статус «столиц», столичных городов (по-русски название первоначально означало «стольный город»).

Берлин стал главной резиденцией бранденбургских Гогенцоллернов с 1440-х годов, однако это было скорее феодальное поместье, чем национальный центр. В XVIII в., когда Бранденбург-Пруссия превращалась в сильную державу, Потсдам наряду с Берлином был официальным «городом резиденции», и именно ему отдавал предпочтение Фридрих II (Великий). Гогенцоллернам Потсдам представлялся возможной столицей даже германского рейха; Бисмарку пришлось заставить нового германского императора согласиться на Берлин⁶⁹.

Испанский королевский двор переехал в Мадрид в 1560 г., и вскоре двор и его потребности стали важным фактором жизни города, однако на протяжении еще полувека двор придерживался странствующего образа жизни, а наиболее важной и убедительной альтернативой во всем прилегающем регионе оставался Эскориал. Даже когда в 1630-х годах был построен постоянный королевский дворец, Буэн-Ретиро, он на самом деле находился за пределами города (хотя и очень близко). Это привело к появлению символической, весьма строгой цере-

⁶⁴ Ságvari A. Studien der europäischen Hauptstadtentwicklung und die Rolle der Hauptstädte als Nationalrepräsentanten // Hauptstädte in europäischen Nationalstaaten / Hrsg. T. Schieder, G. Brunn. Nationalstädten, Munich: Oldembourg, 1983.

⁶⁵ Le Goff J. Le phénomène urbaine dans le corps politique français // Histoire de la France urbaine / ed. G. Duby. Vol. 2. Paris: Seuil, 1980. P. 322.

⁶⁶ О Версале и его отношениях с Парижем см.: Solnon J.-F. Histoire de Versailles. Paris: Perrin, 2003; Versailles / ed. J. Cornette. Paris: Pluriel, 2012.

⁶⁷ Riddle M. Winchester: The Rise of an Early Capital // The Cambridge Cultural History of Britain / ed. by B. Ford. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 265, 434.

⁶⁸ Barea L. Vienna: Legend and Reality. L.: Pimlico, 1993. P. 39.

⁶⁹ Brunn G. Die deutsche Einigungsbewegung und der Aufstieg Berlins zur deutschen Hauptstadt // Hauptstädte in europäischen Nationalstaaten.

монии въезда нового короля или королевы в Мадрид через одни из городских ворот, ворота Алькала⁷⁰.

Офен, или Буда, приобрел большую часть функций столицы в Венгрии после провалившейся революции 1848 г., в начале которой венгерский парламент собрался в Пожони (ныне Братислава). Будапештом он стал только в 1873 г., когда объединились три города – традиционный немецкий Буда (Офен), быстро растущий экономический центр Пешт, находящийся на другом берегу Дуная, и древний и стареющий Обуда, расположенный к северу, где некогда был римский город Аквинк. Наконец, Брюссель был резиденцией герцогов Брабанта и полномочных представителей Габсбургов, но стал государственной столицей только в 1830 г.

⁷⁰ Juliá S. Madrid – Capital del Estado (1833–1993) // Juliá S. et al. Madrid: historia de una capital. Madrid: Fundación Caja de Madrid, 1995. Ch. 2.

Донациональные города

Уже указывалось на то, что не существовало прямой траектории, которая бы вела от развития столичных городов до национальных столиц. Город в определенном смысле был элементом предыстории нации. Пояс городов, начинавшийся на Апеннинском полуострове и проходящий через Швейцарские Альпы до Рейнской области и Северного моря, оказался европейским *pièce de résistance*, противодействующим формированию территориальных государств⁷¹. Города на южных берегах Балтики сдались раньше, но города Ганзы защищались, пока могли, от напора растущих суверенных территорий. В период перехода от Средневековья к Новому времени именно города, а не территориальные государства часто выступали главными пунктами сосредоточения власти и богатства: наиболее известными примерами являются Флоренция, Венеция, Генуя, Любек, Аугсбург, Нюрнберг, Антверпен и Амстердам.

Среди всех современных европейских столиц Лондон выделяется тем, что это древний, по сути римский, центр торговли и в то же время старая средневековая столица династического территориального государства. Неудивительно, что потребовалось некоторое время на то, чтобы соединились две его части – Сити и Вестминстер.

Богатые и сильные торговые города, сложившиеся в Темные века, располагали своими собственными донациональными комплексами памятников. Их впечатляющие ратуши и дома собраний гильдий, наиболее известные из которых были построены фламандскими производителями тканей, их величественные городские ворота и нередко выделяющиеся на общем фоне весовые дома и (или) биржи – вот что представляло специфическую городскую жизнь, автономную, гордую, капиталистическую, зажиточную. Главные здания города и его торговли обычно располагались на главной площади или рядом с ней, а сама площадь в германской Европе называлась, как правило, «большим рынком» (*grosse/grote markt*); на ней часто, хотя и не всегда, находилась также и главная церковь.

Амстердам отличался кальвинистской строгостью, в которую было облачено его огромное богатство, однако его донациональная система памятников отлично представлена огромной ратушей на главной площади (Дам), построенной в середине XVII в. Затем Амстердам стал столицей Соединенных провинций Нидерландов и главной их части, провинции Голландии. Город все еще остается официальной столицей Нидерландов, хотя Гаага – резиденция монархии и правительства. Но именно ратуша – ныне формально являющаяся королевским дворцом – выступает наиболее монументальным сооружением Амстердама.

Брюссель, еще один представитель пояса городов, до сих пор служит красноречивым свидетельством богатой городской иконографии донационального периода. Несмотря на перестройку эпохи национального государства после 1830 г., к которой мы еще вернемся, символическим центром Брюсселя остается *grande place /grote markt*, над которым возвышается готическая ратуша середины XV в. Площадь окружена домами собраний гильдий, большинство из которых в стиле фламандского барокко, за исключением одного перестроенного готического здания, причем у всех есть прозвища на городском жаргоне. Топологический центр, площадь Брукер, названа в честь одного из мэров города.

Утрехтский мир 1713 г., который ратифицировал падение Соединенных провинций и подъем Великобритании, означал начало заката городов-республик. Французская революция, Наполеоновские войны и Венский конгресс сделали остальное. Соединенные провинции были преобразованы в Королевство Нидерландов с правящей Оранской династией, а Венеция была передана Габсбургам как часть соглашения. Только швейцарские городские кантоны, ставшие

⁷¹ Rokkan S. Cities, States, and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development // Building States and Nations / ed. by S.N. Eisenstadt, S. Rokkan. Vol. I. L.: Sage publications, 1973.

теперь довольно маргинальными, сохранили большую часть своей независимости еще на 30–60 лет, а Любек оставался в подвешенном состоянии вплоть до объединения Германии.

Королевский абсолютизм

Европейская конфигурация власти, предшествующая национальному государству, обычно представляла собой династическое территориальное государство, управляемое абсолютистским королевским режимом. Из этого общего правила было, правда, одно важное исключение, даже если не считать приходящих в упадок городов-государств, которые управлялись закрытыми торговыми олигархиями. Исключение составляло быстро развивающееся постабсолютистское королевство Великобритания, управляемое от имени короля землевладельческой аристократией, к тому же Великобритания господствовала в мировой торговле и запустила промышленную революцию. Тем не менее основным стилем был стиль абсолютизма, заложенный во время Людовика XIV в Версале, откуда он проник в габсбургский Шенбрунн и распространился вплоть до периферии абсолютистской Европы.

Центральным элементом королевской архитектуры и в целом монументальности обычно являлся королевский дворец, в Восточной Европе строившийся первоначально в качестве укрепленного замка, или же нескольких замков, а впоследствии, как правило, по крайней мере одного летнего замка и одного зимнего. Версаль (и Карлсруэ как его имитация) был разбит в виде радиального города, расходящегося лучами от королевского дворца. Огромный парк со множеством скульптур стал в XVII в. важной чертой настоящей королевской резиденции, *sine qua* поп дворцов за пределами городских центров. Кроме того, могли иметься и другие дворцы, свидетельствующие о королевской власти и королевских щедротах, дворцы военных министерств, в некоторых случаях монетный двор, больницы для ветеранов или дома для инвалидов, такие как Дом инвалидов в Париже или Гринвичский морской госпиталь. Европейский абсолютистский монарх не был богом на земле или же какой-то другой властной инстанцией, парящей над ней. Он или она стояли на вершине аристократической пирамиды⁷². Соответственно, аристократические дворцы также были важным элементом в пейзаже монаршего города, что сильно заметно, к примеру, в Санкт-Петербурге.

Существовал определенный ритм королевских ритуалов, который играл важную роль в жизни династических столиц, – ритм королевских дней рождения, именин, свадеб, коронаций и похорон, дополняемый общественными церемониями и народными праздниками, а также протоколом двора и временными монументами – арками и трибунами на коронациях и королевских свадьбах. Также в городах могли проходить военные парады, а в некоторых, таких как Берлин, Потсдам или Санкт-Петербург, имелись специальные территории для их проведения, расположенные в самом центре города.

О монументальных комплексах за пределами дворцов думали меньше и разрабатывали их реже, однако они все же существовали. Конная статуя – древнеримский памятник, хотя, возможно, второстепенный. Карл Великий, увидев конный памятник Теодориху в Равенне, настолько пленился им, что перенес его в Аахен, но во времена Средневековья такая форма не получила большого распространения. Обычай устанавливать конные статуи был возрожден при итальянском Ренессансе и получил развитие при французском абсолютизме XVII в. В Париже была поставлена статуя Генриха IV у Пон-Неф в 1614 г.; довольно много статуй Людовика XIV поставлено по Франции и несколько в Париже⁷³. В Лондоне статуи Карла II установили на Кингс-сквер (ныне Сохо-сквер) и рядом с госпиталем в Челси. Статую Якова II поставили, до его свержения, в Уайтхолле⁷⁴. В Вене самая старая конная статуя – или по край-

⁷² Anderson P. *Lineages of the Absolutist State*. N.Y.: Routledge, 1974; Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.

⁷³ Gardes G. *Le monument public français*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. P. 14, 24 ff, 90 ff.

⁷⁴ Pevsner N. *Op. cit.* P. 73.

ней мере самая старая из всех сохранившихся – датируется лишь концом XVIII в. Она изображает императора Франца Стефана (1708–1765), была заложена в 1781 г., а впервые открыта в 1797 г.; сегодня ее можно найти в Бурггартене (ранее – Кайзергартен)⁷⁵.

Также имелась и королевская площадь, название которой отсылало к тому или иному конкретному королю или королевскому подвигу; обычно на ней ставили статую. Образцом стал Париж Генриха IV с площадью Дофина на острове Сите и статуей короля, а также Королевской площадью (ныне площадь Вогезов), построенной так, что ей удалось стать центром модной жизни в городе, со статуей Людовика XIII. Людовик XIV, несмотря на то что сам он переехал в Версаль, вкладывал средства и в королевское величие Парижа. Несколько менее внушительная площадь Побед с весьма триумфальной статуей Людовика XIV была частной инициативой богатого почитателя, а созданная практически тогда же площадь Людовика Великого (современная Вандомская площадь, названная по старому дворцу герцога Вандомского) в каком-то отношении больше завязана на символизм конной статуи «короля-солнца». Площадь Трона получила свое название от вступления в город Людовика XIV – на ней устанавливался временный трон. Площадь, которая ныне известна как площадь Согласия, была разбита в последней трети XVIII в. как площадь Людовика XV с королевской статуей⁷⁶.

Санкт-Петербург представлял собой наиболее типичный абсолютистский город, величественное проявление богатства и воли аристократического двора – донационального, монархического, производного от персоны царя. Город был построен итальянскими архитекторами, но по русским вкусам. Война, религия, монархия и аристократия – все они оставили на городе свой отпечаток. Дворцовая площадь окаймлялась царским Зимним дворцом и расположенным напротив зданием Генерального штаба. Здесь же, чуть сзади, находились здания Сената и Синода, верховных инстанций гражданского и церковного управления. Грандиозный и довольно длинный променад Невского проспекта был проложен от Адмиралтейства до Александрово-Невской лавры.

Москва стала менее имперской и менее аристократической, а к концу XIX – началу XX в. обуржуазилась с развитием текстильной промышленности. Однако она сохранила центральную роль, унаследованную от досовременной России. Царей короновали в кремлевском Успенском соборе, а после вторжения Наполеона в 1812 г. город стал протонациональным символом, обусловленным жертвенным сожжением города, которое вынудило Великую армию отступить, что и привело ее в итоге к катастрофическому поражению.

⁷⁵ Settele M. Denkmäl. Wiener Stadtgeschichten. Vienna, 1995. S. 68–69.

⁷⁶ Cleary R. The Place Royale and Urban Design in the Ancien Régime. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Нация против князя (и князей)

Европейские национальные государства построили свои столицы на основе донациональных традиций греко-римской античности, средневековых церквей, ратушей и зданий собраний гильдий, монархических и аристократических дворцов, т. е. всех этих исторических слоев, которые все еще заметны в современных национальных городах. Не было построено ни одной новой столицы, не считая Рейкьявика в Исландии, в которой вообще не существовало досовременного города. Афины как город перестроили, а некоторые балканские столицы были маленькими и похожими на деревни. Элементом европейской традиции явилось также отдельное городское правительство, однако к закату королевской государственной власти большинство столичных городов утратили большую часть своей гражданской автономии. У Лондона Нового времени вообще не было единого городского правительства – и Лондон, и Париж обзавелись полностью выборными городскими правительствами только в 1970-х годах.

Таблица 3. Столицы при глобальном капитализме: 25 наиболее связанных городов

Города	Глобальная корпоративная связанность	Власть глобального капитала	
		Капиталистическая открытость	Свобода от налогообложения
Сингапур	0,976	0,85	0,91
Лондон	0,966	0,86	0,65
Токио	0,957	0,71	0,69
Пекин	0,849	0,44	0,70
Париж	0,847	0,77	0,48
Москва	0,745	0,43	0,82
Сеул	0,728	0,75	0,74
Мадрид	0,725	0,81	0,58
Бангкок	0,710	0,63	0,81
Буэнос-Айрес	0,660	0,42	0,66
Мехико	0,633	0,70	0,75
Варшава	0,624	0,78	0,79
Куала-Лумпур	0,581	0,67	0,85
Будапешт	0,576	0,78	0,79
Брюссель	0,572	0,78	0,44
Джакарта	0,568	0,60	0,83
Дублин	0,570	0,83	0,74
Прага	0,527	0,83	0,83
Вена	0,525	0,83	0,51
Сантьяго	0,525	0,81	0,75
Афины	0,505	0,61	0,64
Дели	0,498	0,49	0,77
Каир	0,468	0,55	0,86
Стокгольм	0,464	0,84	0,44
Манила	0,457	0,65	0,79
Берлин	0,415	0,83	0,62
Вашингтон	0,403	0,76	0,66

ПРИМЕЧАНИЯ: Все индексы имеют максимум, равный единице. «Связанность» указывает на место города в иерархии размещения офисов ведущих мультинациональных корпораций. «Капиталистическая открытость» отсылает к отсутствию барьеров для торговли, частных инвестиций и движения финансов. «Свобода от налогообложения» включает одновременно и максимальные ставки налогов, и общую долю налогообложения в ВВП.

Источники: *Ni et al.* Global Competitiveness Report 2013. P. 10 (определение), ch. 16 (данные по связанности); Heritage Foundation. “2016 Index”.

Нация проникла в европейские столичные города двумя большими и двумя малыми волнами. Первая была обусловлена Французской революцией, ее особенностями и последствиями (преимущественно наполеоновскими), распространившимися по всему континенту от Британ-

ских островов – где важные изменения начались раньше – до России и от Норвегии до Испании и Балкан. Панцирь средневековых традиций, городских олигархий и королевской власти треснул, в некоторых случаях лопнув с оглушительным шумом, а в других незаметно распавшись. Вторая волна прокатилась с середины XIX столетия, включив европейскую «Весну народов» 1848 г. (хотя последняя и не стала ее кульминацией) и закончившись независимостью Албании, полученной непосредственно перед Первой мировой войной. Она породила национальный Белград, Брюссель, Бухарест, Будапешт, Копенгаген, Рим, Софию, Тирану и национальный (но в то же время императорский) Берлин. В этом случае конфликт народа и князя был встроен в ряд масштабных процессов социальных изменений в отношениях города и деревни, роста населения, создания железнодорожного сообщения и индустриализации, в сложную игру геополитической власти, которую вели великие континентальные державы.

После этого была третья кратковременная волна 1919–1920 гг., которая прошла по центральноевропейской полосе между Россией и Германией и означала окончательный распад всех еще сохранявшихся к тому времени донациональных режимов Европы – России Романовых, Германии Гогенцоллернов и Австро-Венгрии Габсбургов. Османские Балканы были национализированы непосредственно перед Первой мировой войной. Наконец, в 1990-е годы прокатилась четвертая волна, вызванная крахом многонациональных коммунистических государств – СССР и Югославии, – волна, рябь которой достигла и Великобритании, когда Шотландия и Уэльс получили дополнительные права самоуправления, для которых были сформированы новые шотландские и уэльские институты, а для последних – построены здания. Национальные вопросы снова всплыли в 2010-е годы на Шотландском референдуме, также их причиной стали неокончательное отсоединение Восточной Украины, традиционная несовместимость Фландрии и усиление каталонских претензий на суверенитет. На момент подготовки этой книги еще не вполне ясно, что из этого получится.

Первые три волны завязаны на конфликты между народами, которые учреждают себя в качестве наций, и монархической властью или, как в Нидерландах и Швейцарии, наследуемыми *Regenten* (правительствами) либо *regimentsfähigen Familien* (семействами, способными к правлению). Четвертая волна состояла в отвержении многонациональных национальных государств.

Здесь не место теоретизировать или объяснять развитие национальных государств как таковых. Наша задача – локализовать их хронологически и понять их влияние на столицу. Однако нам нужны какие-то ясные критерии. Прежде всего мы занимаемся здесь не вопросами национализма и национальной идентичности, а вопросами формирования государственной власти.

Государство является национальным государством, когда заявляется, что его суверенитет и власть проистекают из нации (или народа). Хотя претензии на существование в качестве нации часто, особенно в Европе, оказываются производными от определенной интерпретации прошлого, власть суверенной нации открыта будущему и не связана генеалогией или традицией. Суверенная власть нации относится к эпохе Модерна. Учреждение национального государства, поскольку его власть распространяется на все общество, которым оно правит, может считаться порогом, преодолев который страна вступает в Модерн⁷⁷. Его противоположностями являются государства, которые принадлежат князю на основании «божественного права» или «мандата небес», в силу легитимного престолонаследия или же завоевания. Два этих полюса не исчерпывают собой исторический перечень человеческих политий, однако их противопоставление в общем и целом определяет то поле, в котором национальным государствам пришлось себя учреждать. В Европе, впрочем, достаточно давно сформировалась концепция территори-

⁷⁷ Этот аргумент разработан в моей книге «Мир» (*Therborn G. The World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 54 ff; Терборн Й. Мир. Руководство для начинающих. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015).

ального королевства, принадлежащего тому или иному князю, но делимого в качестве географического понятия от его правящей семьи. В Азии это было не так; Османская империя и Империя Моголов были династическими названиями, как и Чосон (нынешняя Корея). Слово «Китай», «Чжунго», имело территориальное значение, однако использовалось также, например в Корее, для обозначения династии⁷⁸.

Когда государство становится национальным? Преемственность в истории европейского государства усложняет ответ на этот вопрос, зачастую требуя выделения временных отрезков разной длины. Весьма важным аспектом этой преемственности является специфический европейский процесс, в ходе которого княжеское правление могло постепенно превратиться в чисто символическую монархию. Даже случай Франции не дает безальтернативного ответа. Конечно, революция 1789 г. и ее последствия сделали Францию в итоге национальным государством, однако сама ключевая дата или даже год остаются спорными. Например, в 1880 г., когда Национальное собрание должно было определить День Нации, у него было по меньшей мере одиннадцать вариантов⁷⁹. К их числу относился и наиболее подходящий, с моей точки зрения, а именно 20 июня 1789 г., когда третье сословие Генеральных штатов превратило себя в Национальное учредительное собрание. Выбранная в итоге дата – 14 июля 1789 г. (взятие Бастилии) – стала, вероятно, разумным компромиссом, скромным способом почтить память революционного народа Парижа.

В парижской иконографии зачаточная национальная черта была заметна уже при монархической гегемонии *ancien régime*. Когда главным улицам начали в XVII в. давать официальные названия, некоторые были названы в честь государственных деятелей, не являвшихся членами королевской семьи, таких как Ришелье, Кольбер и Мазарини; позже некоторые были названы именами старейшин купцов и глав гильдий, а в 1780-х годах даже именами таких писателей, как Расин и Мольер⁸⁰.

Одним из первых городских завоеваний революционной нации стало упразднение раздвоения на Париж и Версаль как город королевского двора. Штаты были созваны в Версале, и именно там французская нация учредила себя в качестве нации. Именно в здании неподалеку от королевского замка в Версале третье сословие преобразовало себя в Национальное собрание, в Зале малых удовольствий (*Salle des Menus Plaisirs*), и принесло Клятву в зале для игры в мяч (*Jeu de Paume*) – не расходиться, пока у нации не будет собственной конституции. Эта пространственная раздвоенность внезапно закончилась в октябре 1789 г., когда процессия разгневанных парижских рыночных торговцев и марш чуть менее рассерженной парижской Национальной гвардии заставили короля и его двор вернуться в Париж, в Тюильри. Национальное собрание последовало за ним, обосновавшись в Манежном зале (*Salle de Manège*) того же самого королевского дворца.

Революция привела к огромной волне иконоборчества, у которой, впрочем, были некоторые прецеденты⁸¹, и в этом она напоминает более поздние коммунистические революции и антикоммунистические контрреволюции. Когда революция положила конец *ancien régime* – после кратковременной контрреволюционной Реставрации 1815–1830 гг., – дореволюционная топонимика и система памятников уже не вернулись, в отличие от некоторых частей посткоммунистической Европы, но и революционный запал тоже через какое-то время иссяк. Площадь Людовика XV стала площадью Революции, местом гильотины и казни Людовика XVI. В 1795 г. Директория дала ей сегодняшнее имя – площадь Согласия, которое было отменено на неболь-

⁷⁸ Wang Hui. *China from Empire to Nation-State* / transl. M. Gibbs Hill. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. Ch. 2.

⁷⁹ Amalvi C. *Le 14-e Juillet // Les lieux de mémoire*. Vol. I. *La République* / ed. P. Nora. Paris: Gallimard, 1984. P. 424.

⁸⁰ Hillairet J. *Dictionnaire historique des rues de Paris*. Paris: Edité par les éditions de Minuit, 1963. P. 38.

⁸¹ Древнеримский процесс под названием *damnatio memoriae* включал уничтожение портретов и статуй (мертвых или смещенных) «плохих императоров» и удаление сведений о них из исторических записей (см.: Varner E. *From Caligula to Constantine: Tyranny and Transformation in Roman Portraiture*. Atlanta: Michael C. Carlos Museum, 2000).

шой промежуток времени Реставрацией. Площадь Трона стала площадью Опрокинутого трона, чтобы потом закрепиться в качестве площади Нации. Королевская площадь утратила статую Людовика XIII, а после краткосрочной вахты в роли площади Федератов (армии Национальной гвардии) стала мирной площадью Вогезов, в память о первой провинции, которая приняла участие в военной кампании 1799 г. Реставрация, конечно, восстановила ее исходное монархическое название, но потом проиграла. Площадь Людовика Великого стала в конечном счете Вандомской площадью, а Людовик XIV был заменен Аустерлицкой колонной, сделанной по образцу древнеримской колонны Траяна. С ее вершины во время Реставрации сняли победоносного главнокомандующего (Наполеона), но позже вернули. Бастилию снесли. Вместо нее возникла площадь Бастилии с ее Июльской колонной, увенчанной Духом свободы, которую возвели в 1830-х годах в память о жертвах Июльской революции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.